Б. Конофальский

ИНКВИЗИТОР

Божьим промыслом
книга 18

ЗАСОВЫ И РЕШЕТКИ

18+

Борис Конофальский

ИНКВИЗИТОР. Божьим промыслом. Книга 18. Засовы и решётки

«Автор»
2026

Конофальский Б.

ИНКВИЗИТОР. Божьим промыслом. Книга 18. Засовы и решётки / Б. Конофальский — «Автор», 2026

Судьба к барону жестока.Ему предстоит новое испытание и конечно же очередная война.

© Конофальский Б., 2026
© Автор, 2026

Борис Конофальский
ИНКВИЗИТОР. Божьим промыслом. Книга 18. Засовы и решётки

ИНКВИЗИТОР
Божьим промыслом
Книга 18
Решётки и засовы

Глава 1

Едва дверь за графиней закрылась, Агнес села на лавку возле стола. Уставшая, бледная, но всё ещё красивая. Посидела немного, видно отдыхая, и потом, подобрав подол платья до колен, стала ногой об ногу скидывать с себя дорогие туфли алой парчи с серебряными пряжками.

Барон же так и продолжал сидеть на кровати. Он был совсем раздет, но ни сам он, ни молодая женщина на его наготу внимания не обращали, как и полагается близким родственникам. А дева стала ещё и чулки с себя стягивать; без служанок, а ещё из-за богатого платья с нижними юбками это давалось ей нелегко. Наконец и белые чулки упали на пол рядом с туфлями. После Агнес встала и налила себе в первый подвернувшийся стакан вина до краёв. А как налила, так тут же и выпила. Потом женщина сказала ему:

- Дядюшка, давайте я помогу вам одеться, вам уже пора, скоро монахини придут убираться, они уже встали, на молитву пошли.

Генерал, ошарашенный последней и ужасной для него новостью, только-только стал приходить в себя; он спустил ноги на пол, начал оглядываться и искать свою одежду. А «племянница», наполнив ещё один стакан, выпила его так же быстро, как и первый, – всё словно от жажды, а это был уже третий стакан за её появление в спальне, – подошла к нему и подняла с пола его исподнее:

- Давайте помогу.

«А крепка она для жены насчёт вина, пьёт, как воду в жаркий полдень».

Волков снова удивляется своей «племяннице», но от её услуг не отказывается, хотя прикосновения этой молодой и красивой женщины были ему неприятны. Сейчас барону нельзя было её обижать.

- Чулки найди, - говорит он, оглядываясь, и она тут же находит их под кроватью и начинает помогать ему с ними. А он, присев на перину, тут спрашивает у неё: – Ты же понимаешь, что дальше будет?

- А что же тут непонятного, - она спокойна и холодна, правда, её пальцы, непривычные к работе горничной, не так проворны, как её ум, - вас воевать пошлют, а там всякой нечисти и не перечесть, я вам надобна там буду.

Он даже ничего ей не говорит на этот счёт, а лишь вздыхает, а так как с чулками покончено, спрашивает:

- Панталоны где?

«Племянница» тут же находит и этот предмет туалета. Она помогает ему надеть их и застегнуть и после интересуется:

- И что вы собираетесь теперь делать?

- Не знаю, - Волков и вправду не знает, что делать. – Может, домой сейчас уеду.

- Думается мне, - она уже и куртку его нашла, подаёт ему, чтобы он руки вставил, - вам лучше сразу сейчас не уезжать.

- Почему? – да, он к ней прислушивается, и всерьёз. Она сильно, сильно «выросла» за последние годы при дворе архиепископа, многого набралась, многому научилась.

- Сейчас мало что известно, подождём подробностей, уверена, они будут через день или два. А ещё надо дождаться, пока весть дойдёт до Вильбурга. Пусть ваш герцог перебесится без вас, а то ещё решит, что в этом происшествии есть и ваша вина, – объясняла Агнес, застёгивая ему пуговицу на груди.

Оба её довода имели смысл. Волков смотрит на неё чуть сверху, а женщина, которую он знает много лет, стоит прямо перед ним… И барон видит, как у него на глазах меняется её лицо, оно как будто сдувается, становится блёклым, серым, её красота буквально тает. Агнес поднимает на него взгляд и словно видит его удивление; и сразу вспыхивает:

- Что? – она произносит это чуть резко. И тут же спохватывается и добавляет, уже смягчаясь: – Я просто устала и расстроена, как и вы. Сил уже на всё не хватает.

И тут Иероним Фолькоф делает над собой неимоверное усилие, давит в себе неприязнь и берёт в ладони лицо своей «племянницы», приближает к себе и целует её в лоб. А потом выпускает и говорит:

- Мне в жизни встретились две удивительные женщины, графиня и ты. Она просто красива, а ты… ты не перестаёшь меня удивлять. Я, найдя тебя в заплёванном трактире, и подумать не мог, что ты так высоко взлетишь. Что станешь такой.

- Правда, дядюшка? – Агнес это прошептала, она, кажется, поверить не могла, что слышит подобное от сурового человека. Молодая женщина глядела на него снизу вверх глазами, что наливались слезами, а потом вдруг обхватила его и прижалась к его груди лицом, да так крепко, как он от неё и ожидать не мог.

- Правда, правда, - говорил он ей и, преодолевая себя, гладил по голове, как будто была она ему настоящей родственницей. А потом, едва не с усилием отрывая Агнес от себя, закончил это. – Ладно, пора мне, меч мой где?

Дева сразу нашла ему меч и сама же опоясала «дядюшку», а потом и берет его нашла, и перчатки, и руку ему поцеловала, вся возбуждённая и живая от его последних слов, и Волков, прежде чем уйти, снова целовал её в лоб на прощание. А она ему сказала:

- Там, возле ворот, ваш слуга, мальчишка. Он уже просыпается. Он ничего не помнит, что с ним было, так вы ему и не напоминайте, пусть думает, что спал в монастыре; как время выдастся, я вам о деле его всё расскажу, что поняла.

Так оно и вышло, Петер ждал его у ворот монастыря.

- Спал, что ли? – холодно поинтересовался барон, когда они вышли на улицу.

- Уж и не помню, господин, как уснул, я ведь с вами в карете был, потом мы приехали к дому вашей родственницы, а потом совсем плохо помню… - он стучит пятернёй себя по виску, словно хочет встряхнуть свою память в голове.

А у кареты фонари, Волков приглядывается к своему юному слуге и видит, что тот грязен и, кажется, ещё и обмочился, и тогда генерал говорит брезгливо:

- М-м… Грязный, как чёрт. В карету лезть и думать не смей, марш на запятки.

***

По возвращении он долго спал, несмотря на неоднократные и нетерпеливые визиты супруги в спальню. Ей очень хотелось знать, о чём там её муж всю ночь говорил с архиепископом, кто там был ещё и что им к тем беседам подавали. Но она так и не смогла его добудиться и отправилась на утреннюю службу в роскошный кафедрал Ланна одна, лишь со служанками.

Как она уехала, так он спал ещё, а когда встал и сел завтракать, так надобно было уже обедать. Потом у него настал нехороший день тяжких раздумий и не суливших ничего хорошего гаданий, после чего он решил устроить почтово-писчий день. Волков сел писать письма, и писать их пришлось немало, ведь повод был весьма к тому весомый. Настроение у барона было нехорошее, он тревожился. Ему нужны были вести, много вестей от разных людей. И

особенно из Винцлау. И даже появление жены его от этого дела не отвлекло. Хотя она и взывала к нему, и ругала его скучным стариком.

Слава Богу, появилась Агнес, как всегда вида прекрасного, румяная, светлая, выспавшаяся и бодрая. Одета девица была и строго, и хорошо. Одно слово, дева известной фамилии. Увидав «дядюшку» занятым, она сообразила и увезла баронессу в гости, к графине фон Мален, а потом, втроём, «родственницы» должны были ехать по лавкам, так как городские дамы говорили, что в город привезли прекрасный шёлк. Ради такого дела генерал не пожадничал и выдал жене двадцать талеров, а сам продолжил писать. В первую очередь писал он другу Брюнхвальду в Эшбахт, узнать, как дела и что говорят купцы на реке; другу епископу Маленскому, насчёт дел в городе; родственнику Кёршнеру, а ещё секретарю Её Высочества маркграфини Винцлау Фезенклеверу. И, конечно же, соболезнующее письмо ей самой; он не знал, будет ли оно уместно, но посчитал, что одинокой женщине в такую тяжкую минуту письмо будет утешением и способом найти силы. Но и лишнего в письме писать ей не стал, он не собирался её обнадёживать или предлагать свои услуги. Правильно Агнес сказала: подождите день-другой – не спешите. Осмотритесь, прислушайтесь, поглядите, что будет дальше. Всё-таки умная она выросла. Последнее письмо он писал своей сердечной подруге в Вильбург. Хотел он узнать у Амалии Цельвиг, что творится при дворе и в самом Вильбурге, как ведёт себя принц и что болтают придворные. Писал он едва не до вечера, все пальцы от чернил грязны. Потом, отправив мальчишку посыльного на почту, просил себе ужин.

Баронесса приехала и была удручена. Она сначала положила на стол упаковку ткани, а затем поверх кинула перчатки, за ними и шляпку. И села на самом краю стола напротив мужа, надув губы, чтобы он видел, как тяжко ей жить.

- Ну и…? В чем же новая ваша досада? – поинтересовался у неё супруг; он уже заканчивал ужин, и трактирные лакеи убирали со стола посуду. – Кажется, вы купили себе что-то?

- Едва хватило мне, - тут же с упрёком высказала она ему. – Сестрица ваша и племянница, так купили себе шёлка, и голубого, и гранатового, а ещё батиста тончайшего, а мне лишь хватило на один отрез. Сие ещё больше обидно, что в лавке и другие дамы местные были, и они тоже себе немало покупали, а я одна была как нищая.

- Да неужели это повод страдать? – мягко усмехается супруг.

- Сестрица ваша, так покупала всё, на что глаз положит, и то, и другое, и третье, она вообще деньгам счёта не ведает… - и снова баронесса словно упрекает мужа.

- Сестрица моя сначала родила графа, потом родила двух дочерей герцогу, теперь она – сердечная подруга личного казначея Его Высокопреосвященства, - объясняет ей супруг, - а вы всего-навсего жена барона. Что же вы удивляетесь?

- Откуда же у неё столько денег?! – почти возмущается Элеонора Августа.

- Так её сердечный друг ей присылает шкатулки с золотом, - отвечает Волков, - что же ей серебра-то жалеть…

- И большие те шкатулки? – пытается представить ящички с золотом Элеонора Августа.

- Приличные.

- Ах, Господи, как же это прекрасно – получать шкатулки с золотом, - мечтает баронесса и подсаживается к супругу поближе; тут же лакей приносит ей красивый фужер и наливает в него вина. Она берёт бокал и прежде, чем сделать глоток, рассматривает его и решает: - Нам тоже нужны такие, на столе на скатертях будут хорошо смотреться, – и, отпив вина, она снова возвращается к своей обиде: – А племянница ваша что? Откуда у неё деньги? Она покупала чуть меньше, чем графиня.

- Она берёт деньги, чтобы передать чью-то просьбу архиепископу или за устройство у того аудиенции, - сочиняет Волков; даже он сам не очень хочет знать, откуда у «племянницы» деньги, чтобы вести столь привольную жизнь в страшно дорогом городе, - она в том, оказывается, очень ловка.

- Ловка! – восклицает баронесса с заметной обидой. – Видится мне, что жёны в фамилии вашей ловчее мужей будут.

«Лучше бы вам, моя дорогая гусыня, и не знать даже, насколько мои «родственницы» ловки!», - думает её супруг, но вслух, конечно, ничего подобного не произносит.

То был спокойный и прохладный день, и зная, что уснуть легко ему в этот вечер не придётся, барон взял подсвечник, бумаги и чернила, остатки мясного пирога и вина неплохого, к этому несколько лёгкого чтения книг, чтобы в таком окружении дождаться прихода сна. Гюнтер растопил ему печь, так как ночи уже были холодны.

И в этом уюте барон просидел с книгами и бумагами до полуночи, читая что-то весёлое и время от времени откладывая книгу. Обдумывал цены на пушки и в очередной раз прикидывал, сколько и каких орудий ему понадобится на весь его замок. Все цифры записывал на бумагу. Тут же подсчитывал, во сколько ему обойдется мебель в новый дом. Он любил думать о своём замке, о его устройстве и убранстве. Это его даже успокаивало. В общем, эти ночные сидения были и приятны, и полезны, и хоть как-то отвлекали генерала от тяжких мыслей о грядущих днях.

***

А вот следующий день уже был не таков. Ещё утром к нему приехала «племянница» и, пока он вставал да мылся, села пить кофе с баронессой. Она тоже потихонечку пристращалась к этому напитку, да и «тётушка» её, Элеонора Августа, иной раз тоже пила, с сахаром. А когда он вышел к дамам, так Агнес, просив извинения, отвела его в сторону от супруги и сказала:

- Канцелярия Его Высокопреосвященства сегодня письма пишет, курфюрсту Ренбау и курфюрсту Ольбрехта архиепископу Фоме, о том деле, что произошло в Винцлау. Думаю, что весть о том дошла уже до всех великих домов. Его Высокопреосвященство желает знать их мнение на счёт произошедшего, – шепчет Агнес. Она строга и серьёзна. - Думаю, если выяснится, что за покушением на жениха маркграфини стоит император, то курфюрсты будут недовольны и поддержат вашего сеньора. Хоть не железом, так серебром.

- О Господи! – тяжко вздыхает барон. Плакали, кажется, все его планы мирно жить в тиши, занимаясь своим замком и уделом.

- Супруг мой, что там? – баронесса, конечно, не слышит их разговора, но, как и всякая жена, даже самая невнимательная, она научилась угадывать по поведению мужа его настроения.

- Ничего, ничего, - отвечает ей генерал. – Велите подавать завтрак, прошу вас, ангел мой.

- Сдаётся мне, от войны уже никуда не деться, - размышляет Агнес.

- «Сдаётся!», - Волков невесело усмехается. – А вот мне сдаётся, что тебе придётся ехать со мной в Винцлау. Местного воинства я боюсь не сильно, но вот эти… - он не стал договаривать. К чему?

«Племянница» и сама поняла, о ком идёт речь. Тут и она вздохнула, потом засобиралась и, сославшись на дела непременные, попрощавшись с родственниками, уехала. А уже когда она уехала, барон вспомнил, что хотел расспросить её о своём слуге – что за забывчивость?! Впрочем, с последними вестями забыть про свои собственные дела было немудрено.

«Ладно, потом расспрошу».

Глава 2

Да, дальше события только набирали обороты. Он ещё не закончил завтрак, как к нему явились люди от Корнелиуса Цумеринга. Делегация состояла из трёх господ. И они сообщили барону, что казначей архиепископа и сердечный друг графини фон Мален просил его быть с супругой нынче на ужин, и заверяли генерала, что первые люди Ланна желают его видеть там не меньше, чем сам казначей. И что все они будут той встрече рады.

Баронесса, присутствующая при том, сразу ободрилась и обрадовалась, едва услыхав слова «званый ужин». Уж очень она была расположена к подобным событиям.

«Ну раз первые люди Ланна…».

Естественно, приглашение он принял, а с приглашением принял и неминуемые расходы… Ну а как без них, ведь супруга тут же просила у него денег, на всякое нужное ей для будущего ужина.

И пока она поехала по лавкам, снова приехала Агнес, дождалась, когда лакеи уберутся из столовой и негромко сообщила ему, что был у неё только что Винсенто Кальяри, средний, третий брат из фамилии, что являются совладельцами банка «Ринальди и Кальяри», и просил её договориться с генералом о такой встрече, о которой людям иным знать не надобно.

- Как они все дружно взялись, – усмехался Волков.

- А кто же ещё вас просил о встрече?

- Так друг сердечный нашей графини звал нас с женой на ужин, обещал, что все виднейшие люди Ланна там будут.

- И вправду оживились, видно, все уже знают про покушение, – Агнес серьёзно и внимательно посмотрела на «дядюшку» .

- И что же нужно Винсенто Кальяри, как ты считаешь? – интересуется генерал.

- Думаю, что разговор пойдёт про деньги, дядюшка, - заметила «племянница». – О чём ещё процентщики говорить могут? Конечно же, все узнали о большой войне, а вы в той войне будете лицом не последним, вот «мешки с деньгами» и оживились все вдруг. Все свою выгоду искать собираются.

Тут мудрая дева была скорее всего права. И тогда он произнёс:

- Это встреча нас ни к чему не обяжет, а может быть нам и полезна, банк «Ринальди и Кальяри» влиятелен неимоверно, их векселя принимают без дисконтов при казначействах многих великих домов. Скажи ему, я согласен встретиться, но не сегодня.

- Как вернусь, так отпишу ему, уговорюсь о встрече, - ответила Агнес и уже готова была уйти, но тут генерал вспомнил:

- А с мальчишкой? Что ты про него думаешь?

- С мальчишкой? - не поняла поначалу дева.

- Со слугой моим, - напомнил он, - ты его мне вернула утром вчера.

- Ах, - Агнес машет рукой в досаде, – совсем из головы вон, с этими всеми делами важными. Узнала всё, что могла; думаю, он через шар слугу вашего находит, приходит к тому во сне, но до конца никак ещё не может его подчинить. Мальчишка его боится, да и упрям, хоть и молод, и не подчиняется он врагу. Никак тот его дух сломать не может.

- И сколько ещё он сможет… не подчиняться? – мрачно интересуется барон.

- Кто же знает, - отвечает «племянница».

- А что будет, когда он его подчинит?

- Ну… попытается убить вас, - чуть помедлив, предполагает Агнес. – Вы же для тех людей главный враг, вы им гнездо разворошили, они вам того простить не могут.

Иероним Фолькоф фон Эшбахт, барон фон Рабенбург, имел врагов изрядно, и были они один злее другого, но к тем врагам он уже приноровился, барон их не боялся; в этом же случае… этот случай был особый. Тут стоило быть настороже. Генерал смотрит на деву весьма пристально и спрашивает:

- С ножом, что ли, кинется?

Та только пожимает плечами:

- Ну а почему же нет?

- Значит, его надобно выставить из дома, - разумно заключает генерал и замирает, понимая по лицу своей племянницы, что она в его решении выхода правильного не находит. И тогда он уточняет у неё: - Ты думаешь, что этого… будет мало?

Волков уже решил, что Агнес считает, что мальчишку лучше будет… убить. И зная свою племянницу не первый год, он подобному её совету не удивился бы. Но дева, поджав губы и поглядев куда-то в сторону, задумчиво говорит ему:

- Ох, и не знаю, дядюшка, как быть… Выгнать его – дело недолгое, да боюсь я, что ничего это не решит.

- Не решит? – удивляется генерал. – Как же не решит?

- Его погоните, да подлый, что мальчишку истязает по ночам, другую жертву искать станет, – объясняет Агнес.

И тут генерал догадывается:

- А жертва та будет более податливой?

- Бабу найдёт, из вашей дворни. Любую… Бабы да девки так врагу, как ваш мальчишка, сопротивляться не в силах будут, женский дух – он податливый, слабый…

- И что же мне сделает девка дворовая? – он в недоумении.

- К примеру… отравит вас, – произносит «племянница», и в лице её насмешливая уверенность промелькнула. Уж она-то знала, о чём говорила.

- Где же она зелье возьмёт?

- Дядюшка! – дева теперь смотрит на него с укором. И потом начинает объяснять: – Любой купчишка к вам в Эшбахт привезёт склянку, через ваш Эшбахт их, бродяг, сотни проезжают. Привезет, да и положит её в укромном месте, а враг скажет девке, где та склянка есть. И девка ваша дворовая, что всю жизнь при вас, по приказу врага накапает вам в кофе или пиво пять капель – вот дело и сделано.

Как это всё генералу не нравится! Он в Эшбахте своём чувствовал себя среди офицеров и солдат – да и мужиков, которые, как он полагал, его любят, – в абсолютной безопасности, а тут вон как, любая дворовая девка, дух которой подчинил колдун-карлик, могла его убить. Да ещё и так мерзко. И тут он бросает пристальный взгляд на свою «племянницу»:

- И как же мне быть?

Агнес подошла к столу, оперлась на него и снова глядит куда-то в сторону, и говорит как будто не с «дядюшкой», а с кем-то невидимым:

- Холопа вашего лучше не прогонять, пусть так при вас и будет…

- Не прогонять? – Волков плохо её понимает. «Держать ядовитую змею на груди у себя?».

- Приглядывать за ним, - продолжает Агнес. – Про него мы уже всё знаем, а вот враг ещё кого среди ваших людей найдёт… Так поди потом выясни, кто это, от кого удара ждать.

В общем-то в её рассуждениях был смысл, но у него были и вопросы:

- И как же ты предлагаешь мне приглядывать за ним? Человека, что ли, к нему приставить?

- Уж про то я вам ничего не скажу, дядюшка, – отвечает дева. – Уж в этих делах вы лучше меня разбираетесь. Да и решение вам самому принимать; может, надумаете и погоните его, что ж, и это тоже будет решением дела. В общем… будет у меня время и, главное, силы, так я ещё раз его у вас заберу.

- Силы? – всё еще не понимает генерал «племянницу».

- Силы, дядюшка, – повторяет Агнес, - та ночка, что он у меня был, – думаете, легко она мне далась? Я её у шара провела, к утру глаза ломило так, как будто мне их пальцами выдирают, – и тут она прощается с ним: – Пора мне, поеду ко двору, звали меня, – Агнес делает быстрый книксен и уходит, оставив генерала в раздумье. А тот, оставшись один, кажется, подумал в первый раз о том, что такая помощница не помешала бы ему и в Малене. Да, там она бы могла помочь навести порядок.

«Впрочем… Нет, пусть будет тут, Ланн тоже очень важен».

Агнес уехала, и теперь он сидел, взбалтывал остатки вина в стакане и размышлял. По большому счёту, «племянница» была права. Удалив от дома мальчишку, Волков не решил бы

главной задачи, он не устранил бы источник опасности. Вообще-то генерал давно уже понял, что самые простые решения – они самые верные. Но, к сожалению, во всяком правиле бывали и исключения.

И он, постучав бокалом о графин, позвал слугу:

- Гюнтер! – и так как тот не откликнулся, барон повысил голос: – Гюнтер!!!

- Да, господин, - наконец появляется слуга.

- Закрой дверь и подойди сюда, -командует Волков и показывает на стул рядом с собой. – Присядь.

Когда же верный человек генерала садится, тот берёт с подноса чистый стакан и наливает слуге вина.

- Ты следишь за ним?

Барон не называет имени, но слуга и так всё сразу понимает. Он берёт стакан:

- Благодарю вас, господин, – делает глоток из него и лишь после этого отвечает: – По мере сил, господин.

- И как он в последнее время?

- Ну, в дороге мы все уставали, и он спал крепко, кажется, ночью не просыпался, и уж точно во сне не кричал, - рассказывает Гюнтер, - но здесь он стал спать плохо, а одну ночь так вы его сами куда-то забирали… И он пришёл страшно усталый и удручённый, я его таким давно не видел.

- Это я знаю, - говорит своему человеку генерал. – Ты скажи, что с ним происходит здесь, в гостинице.

- У него тут дурной сон, господин, - Гюнтер снова выпивает вина. – Но, может быть, это оттого, что за нашею стеной печь, в нашей каморе жарко по ночам, печь-то топится. Я тоже там плохо сплю, тем более что тюфяки у нас дурные, больно прибитые.

- Чёрт с ними, с тюфяками, - отмахивается Волков. – ты лучше скажи, он по ночам разговаривает?

- Бормочет что-то, - соглашается Гюнтер.

- Бормочет, - вздыхает генерал и задумывается. – А что именно, ты расслышать, разобрать не можешь?

- Лишь отчасти, господин, – отвечает слуга и вспоминает: - В последний раз, нынче ночью, он просил, чтобы его оставили в покое, так и говорил кому-то: не донимай меня, не донимай, мол, от тебя воняет… Что задыхался от него он.

- Воняет, - повторил Волков. – А от кого воняет или чем, ты не расслышал?

Слуга лишь качает головой в ответ: нет.

Вот и что тут было делать генералу: выгнать мальчишку и ждать, пока проклятый колдун ещё кого-то из дворни найдёт себе в помощь? И тогда он произносит:

- Тебе придётся… пока… продолжать за ним следить.

- То есть выгонять вы его не думаете? – уточняет Гюнтер, и в его тоне барон улавливает разочарование.

- Тяжко за ним следить? – догадывается барон. И тут же решает, как ему кажется, это затруднение: – Я увеличу тебе жалование на два талера в месяц.

- За прибавку спасибо, господин, - отвечает слуга. – Но дело не в тяжести, не в трудностях…

- Так в чём же? – спрашивает Волков, но ответ он, кажется, и сам знает.

Гюнтер вздыхает и ставит стакан на стол:

- Уж о том я вам говорил раньше. Дело это тёмное, господин, нехорошее, мальчишку он как будто ест, как будто пережёвывает, и каждую ночь, как мне сдаётся, колдун заглатывает его всё больше и больше, – он замолчал после этих слов, и господин тоже ничего не говорил, и

тогда верный человек спросил у генерала: - Это всё они, господин? Ну, те, чей замок вы тогда в горах подпалили?

- Скорее всего, - нехотя соглашается генерал. Он сейчас мрачен. – Моя вина… Сначала не распознал, а потом и вовсе прозевал их… дал нелюдям сбежать; судя по всему, они теперь и отвечают, как могут, – генерал взглянул на слугу и продолжил: – Ладно, о прошлом нечего сокрушаться, его, как письмо, заново не перепишешь, нужно жить днём нынешним. Где сейчас мальчишка?

- Велел ему ваши вещи из сундуков достать, проветрить, а сундуки как следует вычистить, – отвечает Гюнтер.

- Позови его, - произносит генерал. И когда слуга встаёт и поворачивается, чтобы уйти, барон напоминает ему: – Ты вино-то допей, дорогое оно.

Глава 3

Молодой слуга был бледен, это сразу бросилось барону в глаза, мальчишка вошёл, поклонился и остался возле двери ожидая, что ему скажут.

- Подойди сюда, - просит его тот и указывает на стул перед собой, который только что занимал слуга старший. – Сядь.

Петер делает так, как его просят, он ещё и волнуется при этом. Глядит на Волкова, не отрывая глаз.

- Ты помнишь, что с тобой было, когда ты поехал со мной? – первым делом интересуется у него барон.

- Нет, господин, - мальчишка отвечает не сразу, сначала он пытается вспомнить, - помню только, как меня заставили пить сусло какое-то. А потом уже проснулся возле вашей кареты.

Волков кивает головой: хорошо. И продолжает:

- Как ты спишь сейчас? Как спал нынешней ночью?

Тут Петер вздыхает, смотрит в пол куда-то и говорит негромко:

- Плохо спал; человек, маленький человек искал меня… Сон был плохой с ним.

- Что за сон? Расскажи.

- Да просто тёмный сон… Страшный… Но до этого случая такого страшного сна у меня ещё не было.

- Вот и расскажи, что там было страшного, - настаивает барон, - всё, что вспомнишь, всё рассказывай.

- Ну… Город какой-то, улицы, только фонарей нет нигде, тьма.

- То не Мален был?

- Не знаю, нет… Не Мален, грязный какой-то город. И я иду по улице, а на той улице дома все… у всех заперты ставни, а на улице бочки ломаные, тележки, мусор в кучах, а света нет совсем… И ни к чему прикасаться не хочется, всё какое-то липкое, или жирное, а я иду и иду, и остановиться мне нельзя, так как ОН идёт за мной и зовёт меня всё время: Петер, Петер… Дружок… Отзовись… Не прячься от меня, я ничего тебе плохого не желаю… А у самого голос, как у ребёнка малого… И капризного… Такого, что злится, когда что не по его выходит… А я-то знаю, что он желает, и иду от него, а куда – не вижу, руки вытягиваю… чтобы не налететь на что в темноте, и почему-то мне кажется, что налечу на прут глазом, боюсь за глаза, так и иду с вытянутыми руками… А вокруг, говорю же, грязь везде, всё липкое, всё как… сажа, что ли, жирная такая… А ещё бывает скользкое и холодное, как будто наплевал, нахаркал кровью чахоточный какой… А этот… - и вот тут уже генерал осознал, как страшно бывает этому мальчишке по ночам, - он всё за мной идёт: Петер, дружок, не уходи. Отзовись, Петер… И он уже близко, я слышу, как у него звонит бубенчик…

- Какой ещё бубенчик?

- Не знаю, просто слышу, как звонит, я по этому звону догадываюсь, как ОН близко, – отвечает слуга.

- Ладно, а дальше что?

- Везде скользко, я же говорю, всё вокруг осклизлое, даже мостовая, а он меня настигает, и тогда я прячусь под телегой, ну, когда понимаю, что мне от него не убежать… Вот, а он так и тащится за мной: Петер, мальчик мой, отзовись, тебе сразу станет легче, тебе хорошо станет, и звякает бубенцом на каждом шагу, а звякает всё ближе и ближе: шаг – звон, шаг – звон… И ЕГО голос детский всё ближе и ближе: Петер, Петер… Я тебе не враг, я тебе друг… Отзовись, иначе пропадёшь тут, сгинешь в гное этом. А я уже сижу просто под телегой в темноте, боюсь к чему-то прикоснуться, грязь … А ОН… ОН проходит мимо неё, и я уже начинаю думать, что минует меня враг, но тут от него так вонью пыхает, что я вздохнуть не могу… Такая она ужасная… И едкая… Нет сил её вдохнуть… И вот-вот от того нечистого воздуха кашлять начну или наблюю… и тогда он меня и найдёт, и от ужаса или от воздуха дурного у меня сердце начинает гулко в груди стукать, я думаю, что он его услышит, и уже не могу сдержаться и начинаю кашлять… Тут меня мастер Гюнтер и разбудил… Хорошо, что разбудил, не разбуди… так и не знаю, чем бы тот сон окончился.

Волков помолчал сначала, а потом и интересуется:

- А что за вонь с тем врагом была, чем он вонял?

- Кошками, - сразу отвечает Петер. – Да так вонял, что дышать мочи не было. От вони той аж горло скребло.

«Ну конечно, кошками».

И пока барон думает о запахе кошачьем, молодой слуга вдруг и вспоминает:

- Ещё там было одно… Одно странное…

- И что же то было?

- Я как будто слышал за ЕГО голосом голос женский. Как бы дальше, за ним, еле слышный… рассказывает Петер.

- Женский? И что говорила женщина?

- То разобрать было невозможно, слов я не понял, но мне кажется, она ЕМУ давала наставления, подсказывала, что ли, а ещё… Кажется, бранила ЕГО, бранила при том зло.

«Что же делать с ним, что же делать?».

Барон смотрит на бледного и, кажется, уже похудевшего своего слугу, и не знает, как поступить. Но Петер вдруг сам заводит с ним важный разговор:

- Господин… Может, мне уйти с должности? Может, тогда это всё прекратится?

«У тебя, может, всё и прекратится».

- Ведь раньше, - продолжает мальчишка, - пока я не поступил к вам на службу, со мной такого не было…

И снова генерал мысленно возвращается к недавнему разговору с «племянницей». И теперь-то он начинает понимать: раз мальчишку колдовская погань так крепко и умело выкручивает, то какую-нибудь девку из его дворни, так они и вовсе в бараний рог свернут.

«Нет, - барону это абсолютно ясно - нельзя его отпускать, держать подле себя непременно – и осторожно, как держат ядовитую змею».

- Пока я тебя от себя не отпущу, худо тебе без меня будет…

- А когда же ОН меня донимать бросит? – едва не со всхлипом вопрошает молодой слуга. – Право слово, господин, я ведь вечеров теперь боюсь, спать ложиться иду как на казнь какую, как подумаю, что ОН снова за мною придёт, так хоть не раздевайся и в кровать не ложись.

- Не бойся, ложись, ложись, рядом с тобой Гюнтер будет, он приглядит, если что. Я ему велел, он теперь тебе не хуже няньки будет. Если надобность случится, то и разбудит. Ты, главное, от меня ничего не таи, приходи и всё как есть рассказывай, это очень важно, и для тебя, и для меня. Уяснил?

- Уяснить-то уяснил, - почти хнычет Петер и не отстаёт от барона с главным для себя вопросом: - Господин, скажите мне, а когда же это всё кончится?

Ну и что тут ему Волков мог ответить?

- Ты прозвище моё слыхал, наверное? – в свою очередь интересуется он у паренька.

- Много у вас прозвищ, - кисло произносит мальчишка, ему, видно, сейчас не до славных прозвищ своего знаменитого господина. – Хранитель веры, что ли?

- Ну, и это тоже, но самое главное прозвище помнишь?

- Инквизитор? – скорее спрашивает Петер, чем отвечает.

- Именно! – подтверждает Волков с явным огнём душевным. – И я уже парочку ведьм да колдунов спалил, и все эти твои сны прекратятся, когда я ту воняющую котом тварь сыщу и спалю его, а ещё спалю ту тварь, что ему при том помогала, – и дальше он повелевает холодно, как и положено господину: – Останешься при мне, блюди себя в чистоте телесной и духовной, молись, ходи к причастию, а твоих домогателей я найду и покараю. Всё, ступай, делай свою работу.

***

Графиня фон Мален в доме Корнелиуса Цумеринга вела себя как хозяйка; едва мажордом объявил уже собравшимся гостям, что явился барон фон Рабенбург с супругой, она, шурша юбками, быстро пошла к ним навстречу, румяная и красивая. Сначала Брунхильда присела в книксене и поцеловала руку Волкову, сделала это показательно, все гости должны были видеть, как она почитает первого и пока единственного мужчину в их фамилии. Чтобы все понимали, кто является ей и её сыну графу фон Малену защитником. Волков поцеловал её в лоб, потом графиня уже совсем по-родственному расцеловалась с баронессой.

- Ах, какое у вас прекрасное платье! – чуть расстроенно воскликнула Элеонора Августа, увидав шикарное платье графини с весьма смелым декольте. Сама же она, по настоянию мужа, была в том самом платье, в котором покорила прием у герцогини в Вильбурге. Платье было великолепным, но очень уж целомудренным, как и чепец баронессы. И замысловатые причёски других дам, по легким нравам Ланна пренебрёгших головными уборами, её очень огорчали.

- Вот вечно так, - тихо шипела Элеонора Августа супругу, - послушалась вас, все пришли как на праздник с танцами, а я как к причастию вырядилась.

Дальше барон уже здоровался с самим хозяином дома, и их приветствия не выглядели формальными, Корнелиус вёл себя с Волковым с дружеской теплотой, почти по-приятельски. Они обнялись. Казначей Его Высокопреосвященства тоже желал показать собравшимся гостям, что со знаменитым генералом он хорошо знаком и даже близок. После этого Корнелиус Цумеринг стал представлять чете Рабенбургов всех собравшихся гостей. И кое-кого генерал уже знал. Например, Фердинанда Лейвениха, советника архиепископа, человека, приглядывавшего от лица Его Высокопреосвященства за сбором налогов во Фринланде. Как и штатгальтера Его Императорского Величества господина Ульрика. Все остальные господа были им под стать, случайных людей на таких ужинах не бывает. И генерал обрадовался, когда среди важных персон увидал свою племянницу. Она стояла с видным священником.

- Эту дщерь прекрасную вы и сами знаете, - произнёс Цумеринг, останавливаясь подле них, - а это наш большой учёный, богослов и близкий друг Его Высокопреосвященства епископ отец Бернард.

- Рады с вами познакомиться, - и хоть на подобных, светских мероприятиях этого можно было и не делать, Волков и его супруга просили у отца Бернарда длань и целовали перстень.

Волков хотел подчеркнуть свою набожность, как раз и строгое платье жены тут пришлось ко времени, он всё-таки Рыцарь Божий, Хранитель веры и Меч Господень, и почитание отцов церкви для него обязательно. После племянницу он, почти по-отечески, поцеловал в щёку. Агнес, кстати, была в платье весьма простом и закрытом. И почти без украшений, хотя и с

непокрытой головой, что, впрочем, для незамужней девы не возбранялось. В общем, что и говорить, дева была умна, и даже тут преподносила себя очень правильно.

Генерала пригласили не зря, он это понял ещё по делегации, что к нему приходила. Теперь же он был вынужден рассказывать про событие, о котором почти ничего не знал, тем не менее собравшиеся с большим удовольствием слушали про жениха, прекрасного юношу графа Сигизмунда, и про добродетельную невесту принцессу Оливию, которых он знал лично. Снова одна из дам спросила у него про замок Тельвисов и про то, как колдуны держали маркграфиню в плену. И ему снова пришлось всё рассказывать, хотя, признаться, слушали его все внимательно, и тут один из гостей всё-таки задал ему вопрос, которого он хотел бы избежать:

- Господин барон, неужто Вильбург простит подобное злодеяние?

- Да, - поддержала его одна уже не юная дама. – Барон, скажите, война будет?

«Господи, да откуда же мне знать?!».

Волков понимал, что это первейший из вопросов, который мучает всех здесь собравшихся, но ведь он и сам был им мучим.

- Господа, право дело, даже и сам не знаю, но уверен, что сие злодеяние приведёт моего глубокочтимого сеньора в бешенство, – отвечал он. – Другое дело, что казна у Его Высочества будет сильно ограничивать его ярость, - все понимающе кивали, а он продолжил: – Да пока даже и не ясно, кто за тем злодеянием стоит. За кого и с кем придётся воевать – непонятно. А увидим ли мы лицо врага без маски – неизвестно, так что говорить о войне считаю пока преждевременным.

- Ну а если всё-таки дойдёт до железа, вы поведёте полки Ребенрее? - не отставали от него гости.

- Господа, уверяю вас, что, кроме меня, у моего сеньора есть и другие отличные полководцы, – скромничал Волков. – Так что выбор командующего будет зависеть от воли Его Высочества.

Тут господа, после пары бокалов вина, стали делиться своими наблюдениями и мыслями, внимание их к генералу хоть чуть ослабло, и он смог приступить к печёной говяжьей вырезке с розмарином. А после второй перемены блюд слуги стали менять скатерти, и господа встали размять ноги, вот тут он и понял, для чего Корнелиус пригласил его.

Камин и множество свечей нагнали в залу жары. Волков едва успел уединиться в углу с Брунхильдой, которая хотела о чём-то пошептаться с «братцем», но тут явился сам хозяин дома и просил у графини прощения:

- Госпожа моя, позвольте похитить вашего уважаемого брата, для разговора очень важного?

- Вы всегда так эгоистичны, Корнелиус! – едва скрывая негодование, произнесла красавица, смерив при том «возлюбленного» тяжёлым взглядом своих прекрасных глаз.

- Ах, насколько прекрасна, настолько же и несносна ваша сестрица, дорогой барон, - вздыхал Цумеринг, отводя Волкова к распахнутому окну.

- Не вы первый из её друзей сердца, это заметивший, - отвечал ему генерал с улыбкой, - но, как я полагаю, вы затеяли этот ужин не для того, чтобы жаловаться мне на сестру.

- Вы необыкновенно проницательны, - в свою очередь улыбался казначей Его Высокопреосвященства. – Я хотел поговорить с вами по двум вопросам и думал, что это будет удобный повод вас повидать.

- Я к вашим услугам, мой добрый друг.

- Итак, у меня к вам два дела.

- Я весь во внимании.

- Собирается война… - сказал Цумеринг и сделал паузу, чтобы дать барону вставить своё замечание. И тот понял:

- Видно, вы знаете больше, чем я.

- Ах, не притворяйтесь, барон, уж вы лучше меня знаете нрав своего сеньора, давайте будем честны: свадьба, о которой так мечтал принц Карл Оттон, сорвана, войне быть, или, на худой конец, людям из Винцлау придётся выдать ему кого-нибудь из своих на заклание, и это при том условии, - продолжал чуть задумчиво Корнелиус, – что новый жених из фамилии Маленов в самом скором времени будет венчаться с принцессой Винцлау в Эдденбурге. Но мы же с вами, дорогой Рабенбург, понимаем, что это невозможно.

- Согласен с вами, это маловероятно, - осторожно поправил его генерал. Стоять у окна под дуновениями прохладного воздуха было очень приятно. И тут он поинтересовался: – Хорошо, я допускаю, что война неминуема, что из того?

- Большая война, большие траты, - продолжает Цумеринг и вдруг удивляет генерала: - Ваш герцог не очень-то вам доверяет, - после этой его фразы барону пришлось приложить усилие, чтобы не выдать это самое удивление, но он смог сохранить лёгкую улыбку на лице. А казначей Его Высокопреосвященства всё развивает свою мысль: - И поначалу отправит туда кого-то из более надёжных своих генералов, а вот когда те публично получат в Винцлау по носу, он, безусловно, призовёт вас, – Волков молчит и ждёт, куда выведут казначея его предположения. И тот завершает: – И вот уже в том случае, когда вам придётся исправлять положение, он предоставит вам большие полномочия.

- Полномочия? – Волков решил уточнить. – Это какие же?

- В первую очередь финансовые, дорогой мой барон, - объяснил Цумеринг. – Финансовые. Вам для найма новой армии и для её снабжения денег он скорее всего не даст, но… - тут он поднял палец, – Его Высочество принц Карл Оттон предложит вам трех- или четырёхпроцентные обязательства казначейства дома Ребенрее… И вот тут мы подходим к самому главному…

- Вы готовы обеспечить те векселя серебром? – догадался генерал.

- Трёхпроцентные пятилетние векселя мы с моими друзьями готовы обеспечить деньгами до ста тысяч талеров Ланна, – поясняет казначей, – четырёхпроцентные семи- и десятилетние – провиантом, лошадьми, оружием и всем, всем, всем, что только вам может понадобиться на войне. Причём без ограничения.

- Это очень заманчивое предложение, - произнёс барон с заметной долей холодности в голосе. И чуткий Корнелиус сразу эту его холодность уловил и правильно понял.

- Один процент со всего оборота – ваш, вне зависимости от цен на фураж, лошадей, продовольствие и порох, - продолжал казначей, - ну а цены на все закупки и ваши интересы в них, естественно, будут оговариваться при подписании каждого из договоров в отдельности.

Это всё, конечно, было интересно, но и тут генерал не поспешил соглашаться на это:

- Всё это очень заманчиво, но, во-первых, мне кажется, вы немного торопите события, ну а во-вторых, вы, уважаемый, должны понимать… что я хотел бы всё взвесить…

- Я и не ждал от вас иного, - подытоживает Цумеринг удовлетворённо, - я даже не прошу у вас ответа ни завтра, ни послезавтра, я говорю вам о будущем, возможно о следующей весне, когда всё и завертится. А пока мы только ведём ни к чему не обязывающие разговоры. Конечно же, обдумывайте моё предложение, взвешивайте, как вам будет угодно и столько, сколько захотите…

- Благодарю вас, что даёте мне время всё обдумать, - вежливо отвечал казначею генерал.

- Ну что же, кажется, всё готово, - говорит тут хозяин и жестом предлагает генералу вернуться к столу.

Глава 4

И снова пошли разговоры, разговоры; хорошая еда и особенно вино располагали людей. И тут Брунхильда, сидевшая от барона по левую руку, улучила момент и, чуть наклонившись, шепчет ему:

- Думаю, может, мне сегодня в монастырь поехать на ночь… Помолиться.

Эта мысль понравилась генералу, в принципе, он одобрял её намерение, но Волков неплохо знал свою супругу. Та уже была весела от вина и, значит, по приезде домой обязательно будет искать внимания мужа, а не найдя, будет потом дуться и обижаться несколько дней. Да и взгляды, что время от времени бросал на графиню Корнелиус Цумеринг, были весьма многозначительными. Видно, на эту ночь казначей строил на графиню большие планы. И поэтому барон отвечал ей так же негромко:

- Не сегодня, сегодня побуду с женой. А ты вон своего казначея утешь как следует, он на тебя весь вечер облизывается.

- С женой, - конечно, красавице разумность и осторожность генерала не пришлись по душе, она поджала губки, - ну, коли вы мне предпочитаете свою корову…

- Я предпочёл быть осторожным! – сухо ответил ей генерал, и добавил: – Научись уже наконец терпеть, терпение – вторая из добродетелей женских. Он хотел, чтобы их разговор был скорее закончен, и боялся, что на них начнут обращать внимание.

- А первая какая? – недовольно и высокомерно поинтересовалась Брунхильда.

Но Волков не успел ей ответить, к ним сзади подошла Агнес.

- Тётушка, дядюшка… Я вынуждена откланяться, - произнесла она.

- А куда ты так скоро? – сразу удивилась графиня, и то было понятно, отъезд «племянницы» рушил её планы на «молитву» в монастыре.

- Его Высокопреосвященство захворал вновь, – объяснила Агнес. – Доктор Штакельберг, личный лекарь архиепископа, очень близкий к нему человек, прислал мне записку, что у того приступ. Надо спешить, пойду я.

- Опять его подагра? – на всякий случай уточнил Волков.

- Да, и ещё головная боль и частое сердцебиение, все его хвори к ночи вдруг разыгрались. И если головную боль и сердце доктор утихомирит, то боль в ногах ему никак не унять, – ответила дева и, попрощавшись со всеми, ушла. А с нею откланялся и отец Бернард. Видно, тоже поспешил к своему начальнику.

- А что такое? – переспрашивали друг у друга гости. И друг другу сообщали: – Кажется, у монсеньора приступ.

После этого огонь приятного вечера начал угасать, и гости стали расходиться.

Когда барон с баронессой вернулись к себе в гостиницу, то были удивлены. Оказывается, их там ждали. Вернее, ждал человек. По виду то был богатый городской торговец. Уже не молодой, седой. Но имени своего он почему-то не назвал:

- Что вам угодно? – без излишней деликатности поинтересовался Волков; в этот поздний час он не намерен был выслушивать торговые предложения от человека, что таит своё имя.

- Ничего, господин барон, мне поручили передать баронессе одну безделицу.

И прежде чем весёлая от вина баронесса успела с радостью спросить что это за безделица, барон полюбопытствовал у него:

- И кто же вас просил?

- Одна очень и очень важная персона, - уверенно отвечал торговец.

«Важная персона?». В свете последних событий со своим слугой генерал был не расположен принимать «безделицы» от каких-то непонятных «важных персон». Но прояснить дело было необходимо, тем более что супруга его разве что не подпрыгивала на месте от нетерпения и любопытства.

- И что это за вещица? – продолжал допрос Волков.

И тогда седой торговец полез под свой парчовый камзол и извлёк из-под него небольшой футляр, покрытый бархатом.

- Вот та безделица, господин, – он подошёл и с поклоном передал генералу футляр. – Прошу вас взглянуть.

Волков не спеша открывает футляр… Некоторое время разглядывает что-то, поворачивая открытый футляр к лампе, что горит в столовой гостиницы. Потом поднимает глаза на человека:

- Это баронессе?

А та уже изнемогает от неудовлетворённого любопытства, но, как и положено истиной и воспитанной жене важного человека, держится, через плечо мужа не заглядывает.

- Именно так, господин, - торговец снова кланяется.

- Это слишком дорогой подарок, - ещё больше интригуя супругу, произносит генерал. – И я хочу знать, кто передаёт моей жене подобные вещи.

- О! – только и произносит торговец. Но тут рядом с ним встаёт Биккель. Оруженосец устал за сегодняшний день, оттого не очень-то приветлив, в общем, вид его вовсе не двусмысленный. А взгляд и того неприятнее. И тогда торговец спешит всё объяснить: – Это я изготовил серьги, я ювелир, а оплатил мне их господин Цумеринг.

Ну, тут уже Элеонора Августа Рабенбург, урождённая Мален, не выдержала:

- Серьги? Что за серьги?

Волков молча передаёт ей футляр. В нём лежат прекрасные серьги, в каждой из которых вставлен очень недурственный изумруд величиной с ноготь его указательного пальца.

- Ах, - только и смогла произнести баронесса после того, как увидала украшение.

- И когда Корнелиус оплатил этот подарок? – интересуется генерал.

- Сегодня после полудня, – сообщает ювелир.

«Когда уже получил моё согласие быть на ужине. Хитрая бестия, он уже вкладывает деньги в будущую войну».

Если рассуждать здраво, то лучше было бы от этого подарка отказаться, но едва барон взглянул в лицо своей жены, как понял, что отдаст она эти серёжки, разве что если рубить ей руки под локоть.

- Спасибо вам, друг мой, - наконец сухо произносит барон. – Работа недурна, камни отменны. Сколько же Корнелиус заплатил вам?

- Господин Цумеринг то просил держать в тайне, - отвечал мастер, а сам косился на Биккеля. – Ведь то, как я понял, подарок.

Ну раз так, Волков не стал выяснять цену и отпустил ювелира; и предполагая, что Цумеринг поинтересуется у мастера, как Рабенбурги приняли подарок, сказал на прощание:

- Благодарю вас, почтенный, работа и вправду хороша, вы редкий мастер, а у Корнелиуса прекрасный вкус и, кажется, бездонный кошелёк.

Мастер кланялся ему и баронессе, ну а та… Даже не кивнула ему в ответ, так как была на седьмом небе от счастия, и поспешила в спальню. Генерал представить не мог, что его супруга может так быстро двигаться вверх по лестнице. Элеонора Августа, задирая юбки едва не до колен, буквально взлетела к их покоям, чтобы побыстрее расположиться в спальне у зеркала и примерить подарок. А служанки её тем временем зажигали все свечи, что только были в их распоряжении, чтобы госпожа могла рассмотреть в своих ушках прекрасные камни.

Гюнтер помогал генералу разоблачиться, Петер нёс таз с водой для омовения перед сном, служанки распускали волосы жене, причёсывали её, баронесса же так и сидела у зеркала, вертела головой из стороны в сторону, глядя, идут ли ей новые серьги.

- Интересно даже, сколько же они стоят.

- Думаю, что в ушах у вас целая кулеврина, - отвечал ей супруг, он уже ложился в кровать.

- Что у меня в ушах? Кулеврина? – не поняла сразу супруга. Она через зеркало взглянула с упрёком на мужа. В общем-то, жена воина знала, что такое кулеврины, тем более что одно время пушки мужа просто стояли у её дома, на заднем дворе, накрытые рогожей. – А сколько же это в деньгах?

- Не меньше двух тысяч, - прикидывал генерал. Хотя камни могли быть и лучшего качества, в таком случае подарок мог потянуть и на все три. Но об этом супруг из осторожности не стал говорить баронессе, чтобы та не потеряла рассудок от счастия.

- Две тысячи?! – воскликнула Элеонора Августа. И тут же добавила с некоторой горечью: – Теперь-то понятно, откуда у графини все её кареты с дорогими жеребцами и эти её драгоценности…

Вот этого в ней генерал терпеть не мог, и напомнил жене:

- Зависть – смертный грех, не завидуйте, иначе не отмолитесь потом.

- Ах, - отмахнулась баронесса. – Вздор, я ей не завидую. Я просто всё поняла.

«Хорошо бы всё-таки вернуть Корнелиусу его подарок, – барон смотрит на жену с укором. - Да только как теперь это сделать? Она же за сережки насмерть биться станет. Хитрый негодяй, видно, всё выяснил про мою дуру, и тут не обошлось без Брунхильды».

Едва вспомнил о ней, так сразу и пожалел, что не вышло сегодня у них «богомолье» в монастыре.

«Ну да ничего, и жене нужно внимание уделять».

- Вы идёте спать? – спрашивает он у супруги с недовольством.

- Иду, иду, - та счастлива, ещё раз глядит на себя в зеркало и наконец отпускает служанок; и, не сняв сережек, едва не кидается к нему в перины.

***

Агнес с утра – хороша, пригожа и чиста, дева пресветлая, да и только. И самое главное, была Агнес на вид скромна. В общем, Волков в который раз, глядя на неё, думал о том, что «племянница» его имени тут, в Ланне, не позорит. Она села возле супругов, которые завтракали, и, естественно, первым делом заметила новые серьги счастливой баронессы. Нахвалила их так, что баронесса ещё больше полюбила нежданное украшение. Да и «племянницу» тоже. А уже потом просила себе Агнес кофе, как и её любимый «дядюшка».

И когда лакеи поставили перед ней чашку чёрного напитка, она поглядела на Элеонору Августу, и Волков, поняв её взгляд, и говорит супруге:

- Дорогая моя, мы отойдём в мой кабинет. А вы побраните служанок, что ли, вы их сегодня что-то и не бранили даже.

Конечно же, баронесса была раздосадована такой бестактностью мужа, и потому лишь фыркнула:

- Ах, всё тайны эти ваши!

Но больше ругаться не стала, так как всё ещё была счастлива.

- Наш банкир ищет встречи тайной, - сразу начала Агнес, накладывая себе в кофе густые сливки.

- Тайной?

- Только тайной, - уверила генерала «племянница». – О том, что вы с ним встречаетесь, не должен знать никто. Лишь в этом случае он согласен встретиться.

- Он согласен? – Волков скептически хмыкнул. – Как будто это я его о встрече прошу.

- Я так ему и сказала, - продолжает Агнес, отхлебнув напитка из чашки; она держала её двумя руками, а генерал не переставал удивляться, насколько в этой молодой женщине всё ладно и хорошо. И лицо свежее, и грудь притягательная, и даже пальцы у неё красивы. – И тогда он стал убеждать меня, что для вас эта встреча будет очень выгодной.

- Но в чём смысл встречи? Он не намекнул тебе?

- Нет… - ответила она и качнула головой. – Ах, как ваш кофе пробирает первыми же глотками.

- Ну хорошо, и что будем делать? – спрашивает генерал.

- Не волнуйтесь, дядюшка. Я всё устрою, - обещает дева, снова отпивая кофе. – Я сниму лучшие покои в «Принце Карле», вы и он подъедете туда после вечерни, уже темно будет, зайдёте через кухню или конюшню.

- А не опасно это? – теперь, после случая со слугой, он ко всему относился настороженно.

- Так вы мне дайте пару людей из своих, из тех, что поумнее, я с ними всё подготовлю, всё осмотрю и дам вам знать, и тогда вы уже с остальными своими людьми и подъедете. Но, думаю, ничего вам грозить не может, все в городе знают, что вы в большом фаворе у архиепископа. Сам же Винсенто Кальяри – человек тихий, почти незаметный, я про него кое-что узнала, он ведёт какие-то счета банка. Бухгалтер. У него двое сыновей и две дочери, все дети тоже скромны, сам Винсенто вперёд старших братьев не лезет. Всегда в тени. Уж и не знаю, что он задумал, но вряд ли что злое, - рассказывает Агнес. – А «Принц Карл» – постоялый двор тихий, там ни сброда, ни кутил не бывает, да и владелец – мой знакомец, я у него иной раз встречаюсь с покупателями, он человек молчаливый, что я в нём и ценю, он нам всё организует.

- Ну хорошо… Дай Бог, - соглашается генерал.

«Всё-таки далеко не все мужи так умны и способны к организации, как она».

Все, кто хоть немного знал эту красивую деву, оспорить его мысль нипочём не решились бы.

Глава 5

Заскучать в этот день чете Рабенбургов не дали. Ещё утром генерал с супругой были приглашены на обед господином Гебельманом, главой одной из самых влиятельных семей в Ланне, приближённой к архиепископу. Семья занимала видное положение, особенно среди военных города. В общем, это были его старые знакомцы, а один из Гебельманов состоял при генерале какое-то время. Не то чтобы генерал так хотел побывать на очередном званом обеде, просто отказывать влиятельной фамилии счёл шагом неумным. И… не пожалел о том, что согласился пойти.

На том обеде собралась дюжина самых старших офицеров города Ланна с жёнами, и разговор, под самое тёмное и крепкое пиво, жареную свинину и фаршированных бекасов с жирными пирогами, пошёл как раз о делах солдатских, любимых им. О дороговизне пушек и нового пороха, об избалованности и жадности солдат и обнаглевших стражников, которые не желают больше тянуть лямку за обычное жалование в четыре или пять талеров, и, конечно, о больших войнах, которые вот-вот могут разразиться. Ну и баронесса имела возможность показать свою обновку, которая у собравшихся на обеде дам вызвала неподдельный интерес.

А когда, он хмельной от крепкого пива, вернулся в гостиницу, Агнес уже его ждала.

- Дядюшка, вечереет уже, я еду в «Принц Карл». Дайте мне двух людей поразумнее. Я, как всё устрою, так пришлю за вами.

Тут, конечно, генералу захотелось отказаться от этой встречи, думал он посидеть да почитать спокойно, может даже, и пораньше лечь спать, но дело есть дело, и он кивнул «племяннице»: хорошо.

И не прошло и часа, как она сама вернулась и сказала барону:

- Едем, дядюшка, всё готово, банкир скоро будет.

Она села к нему в карету, и тут он вдруг вспомнил:

- Вы вчера ушли с епископом с ужина.

- Ну так я же вам сказала, что меня вызвал врач Его Высокопреосвященства, чтобы унять очередной приступ, – объяснила ему Агнес.

- И ты… м-м… значит, помогла курфюрсту? – чуть вкрадчиво интересуется «дядюшка».

- Помогла, - быстро и коротко ответила дева. И посмотрела в угол кареты, где в темноте напротив неё сидел Волков. – Вас что-то тревожит, дядюшка?

- И часто ты так помогаешь курфюрсту? – продолжал генерал всё так же осторожно.

- Да уж раз или два в месяц, а бывает, что и чаще, - отвечала ему «племянница». Судя по всему, она начинала понимать, куда клонит генерал. – Вам не о чем беспокоиться, дядюшка.

- Так уж и не о чем? – сомневается барон. – Ты мне скажи, ты снимаешь приступы его боли зельями или… как и мне, наложением рук?

- Сначала наложением рук, - говорит Агнес. – А потом, когда главная боль отходит, доктор даёт Его Высокопреосвященству маковый настой для забвения и сна.

- Значит, ты лечишь его руками? – для себя уточняет генерал. – И кто об этом знает?

- Дядюшка, вам не о чем беспокоиться, – твердит Агнес.

- Лечение руками… Это же прямая ворожба, – напоминает ей генерал. – Кто при том присутствует? Доктор присутствует?

- Доктор, ближайшие к архиепископу монахи и монахини, - раскрывает тайну Агнес. И так как «дядюшка» молчит в своём углу, она говорит дальше: – То ближний круг, преданные нашему святому отцу люди. Никто о таком никогда болтать не посмеет, да и не называют они моё лечение «ворожбой», все говорят «исцеление», я не ворожея, я целительница…

«Вот как, оказывается, она стала вхожа в дом курфюрста».

Конечно, это всё объясняло. Волков на себе знал, как умеет эта молодая женщина помочь в изнурительной, долгой и болезненной немочи. Возможно, это была одна из причин, что он её не бросил давным-давно где-то на просёлочной дороге.

- Когда-нибудь архиепископ Ланна, как ты говоришь, твой святой отец, умрёт, - напомнил он ей.

- Его Высокопреосвященство крепок, - заверила его Агнес. – Штакельберг уверяет, что если следить за его сердцебиением, то он ещё лет семь или восемь протянет, даже со своей подагрой. А умом старик ещё крепок… Так что…

- Ну через восемь лет всё одно упокоится, и что ты тогда делать будешь? – не отстаёт от неё генерал.

- Ничего, - абсолютно спокойно отвечала ему дева. – Иной придёт, и с ним как-нибудь уговорюсь. У всякого своя хворь имеется, - она действительно была уверена в себе. – У одних телесная, у других душа болеет. У кого подагра ноги разгрызает, а кто иной мальчиков любит, или золото без меры, или жён младых душить тайно. Про всякого всё узнаю и уговорюсь.

- А вдруг не уговоришься? – настаивает Волков. – Вдруг придёт такой, как отец Бартоломей, епископ Малена. А он лют, он ворожбы на дух не терпит. Что тогда будешь делать?

- Отец Бартоломей? Это которого из Трибунала вы устроили в епископы? - и тут вдруг Агнес так фыркнула неприятно, а потом засмеялась нагло и грубо, словно не веселилась, а смеялась от досады и со зла, смеялась, как не подобает смеяться деве благородной, и уже после говорит:

- Ежели такой в Ланн заявится, так я к вам подамся, вы к тому времени большую силу наберёте, если не помрёте, конечно, – и снова смеётся.

И этот смех был нехорош, и этот её тон был так мерзок, что сделалось генералу от них не по себе. Словно ветер ледяной в одно мгновение грудь до костей пробрал. Даже плечо старой, забытой болью тронуло. Он поёжился и потёр больное место, а после сжал в кулак левую длань. Смотрит генерал на Агнес и не видит девы прекрасной, как будто и не было её, а с ним только чернота холодная в карете едет.

«Вот и полезло из неё всё то, что она научилась так искусно прятать от людей. И как только люди, как Брунхильда или жена моя, её такой никогда не видят? Не замечают её черноты?».

Это было ему абсолютно непонятно. И больше ни о чём он её спрашивать не стал, не хотел слышать её голоса, но дева тут снова вернулась к своему образу чистому и светлому и, выглянув из окна кареты, уже мягко сказала:

- Подъезжаем, дядюшка. Вон огни, это и есть «Принц Карл».

***

Лакеи их уже ждали на въезде с фонарями. Они прошли через конюшню, полупустую столовую миновали быстро, там было света не много, их разглядеть вряд ли кто смог бы. По лестнице поднялись сразу на второй этаж и прошли в чистенькие покои. Там увидели двух похожих друг на друга людей: одного нестарого ещё и второго уже седого. Они встали, когда «дядя» и «племянница» вошли.

Агнес сделала им книксен, а потом представила старшего:

- Дядюшка, то Винсенте Кальяри, вы и сами знаете, что это за фамилия.

- А это мой старший сын, мой наследник, - заговорил пожилой, указывая на высокого и красивого молодого человека лет тридцати-тридцати пяти, - Антонио.

Молодой человек поклонился генералу низко, с уважением.

- Барон Рабенбург, - коротко представился Волков. – Рад знакомству, господа. Надеюсь, что эта тайная встреча будет нам всем полезна.

- И мы на это надеемся, - отвечал ему старший из Кальяри. – Прошу вас, господин барон, - он указал на накрытый стол, на котором горели свечи и стояли блюда с графинами.

Они быстро расселись, только Агнес садиться не стала, она звала лакеев и руководила ими, пока те раскладывали по тарелкам господ кушанья и разливали вино. Барон есть не хотел и давал знать слугам, что ему много еды не нужно, лишь на пробу… Когда все было исполнено, дева слуг удалила. Поклонилась, хотела было уйти, оставив мужчин, но генерал жестом остановил её:

- Господа, помешает ли нам моя племянница?

И тогда Кальяри старший вздохнул и произнёс:

- Эта беседа будет скучна для прекрасной девы, – всё было понятно, банкиры не хотели, чтобы кто-то кроме него, слышал их разговор.

- Хорошо, - согласился Волков. – Агнес, подожди меня.

- Да, дядюшка, – ответила та и после книксена пошла к двери, а молодой банкир не удержался и проводил её взглядом. Что было, в общем-то, неудивительно.

- Итак, господа, – когда она прикрыла дверь за собой, начал генерал, - я готов вас выслушать.

Старший Кальяри покряхтел чуть-чуть, видно, ему это всё давалось не очень легко, и заговорил:

- Нашему дому стало известно, что вы, господин барон, вместе с небезызвестным господином Цумерингом и другими достойными людьми, решили организовать банк у себя в Эшбахте.

Тут он замолчал, и, естественно, это его утверждение тут же обернулось вопросом, на который Волкову нужно было отвечать, но он не спешил давать банкирам утвердительный ответ и произнёс с интонацией лёгкой:

- Если бы даже так и было, неужто открытие маленького банка в каком-то захолустье могло бы заинтересовать и обеспокоить столь влиятельный дом, как «Ринальди и Кальяри?».

- Уверяю вас, что могло бы и заинтересовать, и обеспокоить, - весьма твёрдо отзывается на игривый тон старший Кальяри.

- То есть вы обратили на нас внимание?

- Да, поэтому мы тут, – ответил Винсенто.

- Прекрасно, - Волков был не настроен на долгие разговоры. – В таком случае, объясните причину нашего приятного знакомства.

И вот тут, первый раз за встречу, заговорил Антонио:

- Мы хотим честный пай в вашем начинании.

- Честный пай… - генерал ещё не понимал всех терминов банковского дела. – Это…

- Это доля прибыли, соответствующая доле вклада, – пояснил ему молодой Кальяри. А старший добавил: – С правом голоса на собрании акционеров.

«Право голоса? А значит, и право знать о делах банка изнутри? — нет, на это генерал согласиться не мог. – Эти волки нас просто съедят, едва мы пустим их к знанию наших внутренних дел!».

Он покачал головой:

- Господа, рад, что вы говорите начистоту, это нам сэкономит время, и я отвечу вам сразу: те люди, с которыми я собираюсь организовать дело, вряд ли согласятся пустить в него «Ринальди и Кальяри». Уж больно вы сильны.

И вот тут отец с сыном переглянулись, и отец кивнул Антонио: хорошо, говори ты.

Глава 6

И тот заговорил:

- Сейчас мы не представляем «Ринальди и Кальяри». Мы хотим получить пай как частные лица. И мы не желаем, чтобы в «Ринальди и Кальяри» знали о наших посторонних вложениях.

Признаться, Волков был этим заявлением удивлён.

«Не хотят, чтобы большой дом узнал об их посторонних вложениях? Теперь понятно, почему эта встреча происходит в таких условиях. Эти Кальяри не хотят, чтобы старшие партнёры банка узнали, что деньги из их круга уходят в иные компании».

Впрочем, возможно, отец с сыном ему врали и всё это было нужно для того, чтобы «Ринальди и Кальяри» мог проникнуть в организуемый им банк.

- Кое-что мне становится понятным, - произнёс барон. – Но, господа, вы должны понять, что в нашем предприятии честных паёв, как вы выразились, не будет.

- Вот как? – сказал старший из семейства.

- Да; например, я получу пай, не внося в дело своих денег, - объяснил Волков.

- Ах вот вы о чём! – понял Винсенто. – Но тут нет никаких противоречий, ваше имя само по себе – весомый актив. Но ведь остальные акционеры не имеют такой славы, как вы, и мы готовы были бы разделить с ними остальные паи на честные доли, зависимые от вложенного.

«Они реально хотят участвовать в деле. Остаётся только гадать, это только они, или за этими двумя скрывается весь великан «Ринальди и Кальяри».

В общем, генерал сомневался в надобности пускать этих людей в дело, хотя прекрасно понимал, что чем больше капитал банка, тем он крепче и прибыльнее. А пришедшие догадывались о его сомнениях, и тогда Винсенто Кальяри продолжил:

- «Ринальди и Кальяри» уже несколько лет присматривается к тем местам.

- К тем местам? - не понимает Волков.

- К верховьям Марты, - за старшего продолжил младший. – С тех пор как вы там обосновались, те места ожили и вдруг из пустыни превратились в бойкое торговое место. Лес, уголь, железо, товары из Нижних земель. Олово, наконец… - тут он заговорщицки усмехнулся. - «Ринальди и Кальяри» уже думали о том, чтобы открыть там банк и торговый дом.

- И что же их остановило?

- Ничего не остановило, это была просто небольшая задержка, ресурсы им были нужны для иных задач, - пояснял старший Кальяри. – Скоро ресурсы высвободятся, придут новые деньги, и они снова вспомнят о верхней Марте, господин барон.

- Вам, - говорит тут Антонио, – и всё-таки я надеюсь, что нам, нужно торопиться. Пока они не пришли в Эвельрат. У нас будет всего полгода или год в лучшем случае, а потом нам придётся конкурировать с очень успешным домом, располагающим большой финансовой мощью.

- И большими связями, - добавил старший Кальяри.

Волков всё это слушал внимательно. То, что он услыхал от этих господ, уже стоило потраченного времени. Но вопросы у барона ещё были.

- Господа, а почему же вы решили сделать ставку на наш новый, ещё не существующий банк, а не прийти к нам на Марту вместе со своим домом?

И вот здесь снова заговорил Кальяри младший, и Волков начал понимать, что именно он и является зачинщиком всего этого дела, так как в голосе молодого банкира звучала… ну, если не обида, то во всяком случае различимое неудовольствие:

- Мы не удовлетворены нашим положением и в семье, и в большом доме (банк «Ринальди и Кальяри»). И готовы искать новые средства для нашей фамилии за пределами дома.

«Ну, это понятно, вторых-третьих-четвертых братьев всегда не устраивает их положение в семейном деле. Но нам-то вы зачем, если вы и своей фамилии не очень-то верны?».

- Мы останемся в «Ринальди и Кальяри». Но будем работать и с вами, – сказал Винсенто. – Уверяю вас, вы и ваши друзья не пожалеете, что решили принять нас.

В этом-то Волков не сомневался.

«Если эти господа возьмутся работать с нами по-честному, то польза от них… тут и раздумывать не нужно, будет огромная. И всё-таки надобно как следует думать и думать над их предложением».

- И как же вы будете работать и в вашем доме, и с нами одновременно? Люди из вашего дома рано или поздно про то узнают, - рассуждает Волков. – Неужто вам это сойдёт с рук?

- У нас есть надёжный человек, о котором в «Ринальди и Кальяри» не знают, он и будет нас представлять у вас, – отвечает Кальяри- отец. – Наша фамилия уже не первое столетие умеет вести дела скрытно. Тайна – наше оружие, и мы вас ему обучим.

- Обучите? – усмехается генерал. – Зачем же вам отдавать нам своё оружие?

И вот тут сын оставил слово отцу, и тогда старший Кальяри сказал:

- У нас на вас, господин барон, большие планы.

- Планы на меня? – вот тут Волков хотел знать уже всё. – И что же это за планы, позвольте полюбопытствовать?

До сих пор ни один из господ, сидящих за столом, не притронулся ни к блюдам, ни к напиткам, так увлекал этих троих важный разговор, а тут интерес у барона стал ещё больше, он отодвинул от себя тарелку, поставил на стол локти, а пальцы сложил в замок, подперев им свой подбородок, и взглядом пристальным буквально уперся в старшего из Кальяри. И тот понял, что должен рассказать ему всё, что думает об их будущем:

- Ни для кого не секрет, что грядёт война, - начал он. – И война та будет немалой. Нам известно, что все курфюрсты встретили сообщение о покушении на графа Сигизмунда, скажем так, с непониманием. Говорят, что представители пяти курфюрстов вскоре соберутся в Гальбсдорфе, чтобы уточнить свои взгляды на это дело. И есть такое мнение, что никто бы не осмелился на такой вероломный шаг, не будь на то… ну, хотя бы молчаливого согласия императорского двора.

- Это ничего не значит… - заметил генерал. – Курфюрсты никогда не соединятся против императора, да и кто бы рискнул против него начать войну? Разве что король или мавры какие-нибудь. Он на сей день лучший полководец под небом Господним. У него есть непобедимые ландскнехты.

- Вы абсолютно правы, - вдруг соглашается с ним умудрённый опытом банкир. – Курфюрсты никогда не объединятся против императора под флагом Ребенрее, но император сам никогда не возьмётся воевать за Винцлау в открытую. То было бы делом весьма предосудительным. Всё будет делаться чужими руками, - Винсенто Кальяри помолчал и продолжил: – А то, что война случится, мы узнаем скоро, очень скоро, буквально до праздника урожая, и первая верная примета той войны – будет созыв ландтага Винцлау. Первые сеньоры Винцлау не зря пошли на отвратительный шаг, и раз они его сделали, то сделают и следующие: они соберутся и сами решат, кто будет новым супругом принцессы.

- А кто именно – решат при дворе императора, - догадался генерал.

- Разумеется, – согласился банкир. – И тогда маркграфине некуда будет деться, и власть в Винцлау останется в руках местных сеньоров и императора, - ну, обо всём этом Волков уже думал, тут Кальяри-старший ничего нового ему не открыл. А тот продолжал развивать свою мысль: - И вот тут мы подходим к главному. Как только мы узнаем, что сеньоры Винцлау собирают ландтаг, то ваш герцог Ребенрее получит деньги на войну, и деньги изрядные.

И это Волков был готов допустить. А ещё он начал понимать, какие надежды возлагают на него отец и сын Кальяри. Те же самые надежды возлагал на него… например, даритель дорогих подарков его жене, Корнелиус Цумеринг.

- Я понял, что вас интересует, господа, - барон даже немного разочаровался, он думал услышать что-нибудь более интересное. – Это векселя дома Ребенрее и поставки для армии, которую я, возможно, возглавлю.

- Это только на первых порах, - вдруг говорит ему Антонио Кальяри.

- Только на первых? – тут интерес снова возвращается к генералу.

- Да, нашим первым шагом после основания дела будет удвоение первоначального капитала будущего банка, - подхватил за сыном отец, – Дальше у нас с вами начнётся дело посерьёзнее…

Но Волков не дал ему продолжить, он хотел знать про удвоение капитала как можно больше. Уже одно это заставляло его быть не очень вежливым.

- То есть… вы собираетесь удвоить капитал?

- Да, мы сделаем это за три или четыре года войны, если первоначальный фонд банка не превысит триста тысяч и мы, хотя бы на первое время, откажемся от выплаты дивидендов; но это всё при том условии, что вы будете руководить войсками Ребенрее, – продолжил Антонио. – И, соответственно, будете иметь право подписывать долговые обязательства от имени принца. И контракты на поставки для армии.

- Если вы думаете, что я пойду в темницу за злоупотребления доверием Его Высочества, то вы ошибаетесь, - заметил им генерал. – Я уже стар, чтобы сидеть в холодных подвалах, и мне не пристало болтаться в петле как вору. Я всё-таки Рыцарь Божий.

- А вам и не придётся, всё будет в рамках приличий, - заверил его старший банкир, - тем более, мы вам говорим, что удвоение капитала – это только первый шаг, это минимум, на что мы рассчитываем; вы способны добыть много больше, чем триста тысяч.

- Триста тысяч вы заработаете и без нас, если будете осторожны, - заговорил младший Кальяри. – Только… лет за десять.

- Вы продолжаете меня интриговать, - усмехается барон. – Ну так уже скажите, что это за такой второй шаг, что следует за удвоением первоначального капитала?

- Ну что же… - старший Кальяри взглянул на сына и сказал: – Кажется, пришло время открыть карты. Антонио, объясни сеньору барону наш замысел.

- Начну издалека, - заговорил молодой банкир, - чтобы вам была понятна расстановка сил в Винцлау…

- В Винцлау? – удивился Волков.

- Да, речь пойдёт именно о той благодатной земле, – продолжил Антонио. – Там, в тех краях, заправляют три банковских дома. Слабейший из них – то дом Корвалоне. У них даже и миллиона нет. Они работают с купечеством, да и то не с крупным. Но поэтому хорошо знают рынок и торговлю Винцлау. Корвалоне имеет с нами, - тут молодой человек, конечно, имел в виду банк «Ринальди и Кальяри», - равноправные отношения, мы принимаем его векселя, а он принимает наши без дисконтов, только с разницей в весе монет Ланна и Винцлау. А два более крупных дома – это дом жидов, банк Абрама Вигидора, и второй, очень важный, дом, дом, чьими услугами иной раз пользуется сам император, банк братьев Гиршей.

- Гиршей? – оживился генерал.

- Вы знакомы с кем-то из них? – на всякий случай поинтересовался старший из банкиров.

- Да уж, знаком, - фыркнул Волков. Он прекрасно помнил, что из-за одного сопляка из рода поганых процентщиков он вовремя не получил рыцарские шпоры.

- Надеюсь, у вас среди них нет друзей? – уточнил старший из Кальяри. Он, кажется, заволновался.

- Я Рыцарь Божий, откуда у меня друзья среди безбожников? – успокоил его Волков. В принципе, ему уже всё стало ясно, и он, улыбаясь, поинтересовался: – И вы считаете, что в ходе войны я должен буду разогнать все эти банки, чтобы дать нашему банку укрепиться в Винцлау?

- Всех изгонять оттуда не нужно, - замечает ему старший Кальяри, – нам для дела можно оставить дом Корвалоне и, возможно… даже банк Вигидора мы трогать не станем. Посмотрим, как он себя поведёт, в общем-то, с ним можно иметь дела. Главное – убрать оттуда Гиршей.

- Эти пиявки присосались к казне маркграфства! - почти с негодованием воскликнул Кальяри-младший. - Они – главные бенефициары всех долгов Её Высочества. Ни одна закупка для двора не проходит мимо них. Всё делается через их кредиты, потому что казна маркграфства умышленно доведена до абсолютной пустоты.

Волков продолжал слушать, и интерес его только нарастал. И тут он спросил:

- Так, значит, казна пуста из-за злых умыслов придворных?

- Ну а как в этом деле обойтись без казначея и канцлера? Это всегда первые расхитители, – отвечает ему Кальяри Винсенто. – Без них Гирши такой силы в маркграфстве не набрали бы.

- На самом деле эти Гирши не так уж и сильны, - продолжал Антонио. – «Ринальди и Кальяри» уже давненько приглядываются к Винцлау, да только… немного робеют. Гирши – первые кредиторы Его Императорского Величества и первые жалобщики. Наш дом не желает лишний раз гневить императора.

И тут снова вступает старший Кальяри:

- Но ежели ваш сеньор, герцог Ребенрее, осмелится на войну с сеньорами Винцлау, за которыми стоит император, чего нам тогда бояться жалоб Гиршей? – тут он заговорил проникновенно и, кажется, с удовольствием: - Мы вышвырнем этих безбожников из маркграфства. Мы сами займём там их место, – тут он спохватился и уточнил: – Банк Эшбахта займёт их место.

- Тем более что сама маркграфиня, как всем известно, к вам, сеньор барон, благоволит.

Глава 7

«Кажется, все уже знают, что принцесса ко мне благоволит!».

Но он не стал опровергать это, а лишь усмехнулся и произнёс слова, наполненные густейшим сарказмом:

- Как вы, господа, всё прекрасно рассчитали. Прекрасно, прекрасно. Осталась, право, сущая безделица: нужно только победить всех сеньоров и горожан Винцлау, за которыми слегка маячит сам император.

Он ещё не вспомнил жителей вольного города Туллингена, до одури богатых и до бешенства злых на него. А про сбежавших из замка Тельвисов тварей, что прижились в том поганом городе, барон даже и вспоминать не хотел.

- Дорогой сеньор барон, - заговорил тут молодой банкир, - у нас нет иллюзий насчёт будущей войны, и мы прекрасно знаем, как может быть переменчиво её течение, и что верный успех в любую минуту может обернуться самым тяжким поражением. Но мы знаем также, что вы – один из самых искусных воинов, вы побеждали всякий раз, когда все пророчили вам проигрыш… мы в вас верим… Но даже если война в целом и будет проиграна и герцог Ребенрее не сможет женить своего родственника на маркграфине, к концу войны, как бы она ни закончилась, даст Бог, банк Эшбахта будет твёрдо стоять в верховьях Марты.

- И будет он там стоять в гордом одиночестве, - поддержал сына старший Кальяри.

- То есть в любом случае мы выйдем из войны победителями, несмотря на её исход? – уточнил генерал.

- Именно так, мы будем в выигрыше в любом случае, только вот выигрыш может быть разный, – пояснил Винсенто. – Но нам всё равно следует поторопиться и начать как можно раньше. Чем раньше начнём, тем крепче будем.

«Да, в выигрыше, если сам при том уцелею».

И всё-таки он ещё не был уверен, что война начнётся, или надеялся, что события будут разворачиваться небыстро. Очень не хотел генерал войны, которую, кажется, все вокруг ждали. Во всяком случае здесь, в Ланне. Но если быть честным, то эти два банкира сумели вызвать у него интерес к своей затее.

«Ну а как иначе? Если уж браться за дело, то нужно мечтать о большом. Винцлау… Очень и очень аппетитный кусок. Что ни говори».

Он молчит и думает о том, можно ли этих ловких людей пускать в своё дело. Банкиры до кончиков волос, что впитывали банковское дело едва не с молоком матери, чьи предки целыми поколениями ссужали деньги, они, если пожелают, обведут вокруг пальца и его, и людей Кёршнера, и даже таких отчаянных горных торгашей и хитрецов, как братья Райхерды. А Кальяри сидят и ждут; они выложили всё, что у них было, и теперь ждали его решения или хотя бы вопросов. А вопросы у него были, и первый же вопрос барона отца и сына порадовал:

- А сколько бы вы могли вложить в дело?

- Пятьдесят пять тысяч талеров Ланна серебром и золотом… - начал Кальяри младший.

«Две тысячи флоринов?». Сумма была немаленькой. Но Антонио продолжал:

- …и ещё пятьдесят тысяч талеров обеспеченными векселями «Ринальди и Кальяри» номиналом от пяти до десяти тысяч талеров…

И тут генерал удивляется ещё больше, обеспеченные векселя – это, по сути, те же деньги, только бумажные, а чьи векселя могут быть твёрже, чем бумаги «Ринальди и Кальяри»?

«То есть они готовы внести сто тысяч?».

- …а ещё мы готовы вложить в дело товаров: пшеницы, хмеля, бобов, гороха и ячменя – на двадцать две тысячи… Большая часть уже закуплена и в амбарах, часть уже выкуплена и до конца осени будет нам доставлена. Если надо будет снабжать армию, то мука, горох и бобы у вас уже есть, – на этом Антонио Кальяри почти закончил, он лишь добавил: – Если на то будет ваша воля, вы, сеньор барон, можете получить двенадцать тысяч талеров векселями хоть завтра.

«Двенадцать тысяч талеров… Мне хватит на две хорошие пушки, на две полукартауны. Ах, как хорошо бы смотрелась их бронза над воротами моего замка в лучах восхода!».

Но, конечно же, он не мог взять эти деньги сейчас. Волков помечтал немного насчёт пушек и произнёс:

- Вы же понимаете, что я не могу принять решение без других господ, собирающихся со мной учредить банк.

- Мы прекрасно это понимаем, - произнёс Винсенто Кальяри, - будь по-другому, мы бы ещё подумали, прежде чем решились бы стать совладельцами вашего предприятия. Но в данном случае нам важно, чтобы вы, сеньор барон, были за нас… И… - тут он замолчал.

- И? – Волков хотел знать, что будет дальше.

- Мы бы просили вас, сеньор барон, - продолжил старый банкир, - чтобы о нашем разговоре и о наших именах, если нам будет отказано в месте за столом учредителей, никто больше не узнал.

- Так же, как и о наших планах насчёт Винцлау, - добавил за отца Антонио Кальяри.

- Об этом можете не волноваться, - заверил их генерал, - но… Вклад, который вы готовы внести в наше дело… Он весьма велик и может несколько… смутить моих друзей из Малена и кантонов.

- Всё это обсуждается, - Кальяри старший махнул рукой: это ерунда. – Когда вы будете говорить о нас с ними, вы своим друзьям скажите, что мы сразу избавим новый банк от ненужных и почти неминуемых потерь в начале работы. Это сразу придаст нам веса в их глазах.

Они уже как будто полагали, что он будет хлопотать за них…

«Красноречиво они умеют говорить, убедительно, но… Нет, добрые господа, я ещё ничего не решил насчёт вас».

- А что это за неминуемые потери, о которых вы говорите? – поинтересовался он после некоторых раздумий.

Тут банкиры снова переглянулись, и снова младший Кальяри словно ждал от отца дозволения говорить, и старший из банкиров едва заметным кивком головы такое дозволение даёт. И Антонио тут же начинает:

- Мы говорили вам, что наш дом с вниманием поглядывает на верховья Марты. И едва вы там откроетесь, к вам будут посланы разные… - он явно подбирал слова, – ну, скажем так, купцы. И они будут брать у вас кредиты, а те кредиты обеспечивать ресурсами дурными… пустыми. К примеру, будет вам дано в залог поместье, и поместье хорошее, и доход от него приличный, но оно окажется под судебной тяжбой уже как семнадцать лет. Или есть у нас в Ланне дом, отличный с виду доходный дом в три этажа, и всё в нем на первый взгляд хорошо, каменный, крепкий, но он сырой, изнутри весь порос плесенью, а какие семьи там ни поселятся, так все болеют чахоткой, пока не съедут. Про тот дом все горожане уже знают, но не ваш банк. «Ринальди и Кальяри» тот дом через всяких купцов-негодников уже раз семь в обеспечение кредитов предлагали и по сорок тысяч за него кредиты получали, а потом, конечно же, кредит не возвращали…

- А потом выкупали за безделицу. Тысяч за пять.

- Именно, именно… - продолжает молодой банкир. - Или, к примеру, дом на одного хозяина стоимостью тридцать тысяч; опять же через какого-то пройдоху возьмут под него кредит и долг не возвращают, а банк, получивший тот дом, потом его продать не может, потому как дом стоит над подземным ручьём, а тот ручей отхожие места у рынка подмывает, и в доме том стоит неистребимый запах выгребных ям. И кто в нём поселиться пожелает, если из-под пола вонь идёт? И этот дом также потом выкупается за цену бросовую. И таких примеров много ещё.

«Вот так все эти «Ринальди и Кальяри» свои несметные состояния и наживают».

- И что же, дом ваш уже и к нашему банку такие штуки готовит? – немного мрачно интересуется Волков.

- А как же?! – старший банкир смеётся. - Мы же говорим вам, «Ринальди и Кальяри» к вашей реке интерес имеют. Разорить вас совсем у нас не получится, но ослабить всяким таким недобрым делом мы умеем, а уж как ослабим, как пойдут у вас дела не очень хорошо, так первые придём к вам на помощь и предложим денег, под процент, а если расплатиться не сможете, то и попросим долю в вашем деле. А там уже как и кому Бог подаст.

Была уже ночь, когда отец и сын Кальяри раскланялись с «сеньором бароном» и отбыли. И никто из троих говоривших так и не коснулся ни одного блюда, и вина с пивом почти не пили. И «сеньор барон», как банкиры ушли, принялся за остывшую еду. Ел жадно, с удовольствием, так как к ночи уже проголодался. Агнес, по его желанию, отрезала и положила ему окорок, запечённый в горчицу, с коричневой острой корочкой, солёной, к нему хлеб мужицкий серый с тмином, свежий. Наливала ещё не выдохшегося пива. Сама себе положила хороший кусок жареной красной рыбы морской, что обложена была половинками лимонов. Дева, сидя где-то за дверью и ожидая конца разговора, тоже проголодалась. Села напротив, ела и «дядюшку» расспросами не тревожила, видела, что он задумчив, чего же лезть к человеку. Так и ели они поначалу молча. А барон, поедая отличный окорок, думал:

«И что тут делать: брать к себе банкиров или не брать? Банкиры, которые дела банковские, как волки свои леса дремучие, разумеют. Будет ли от них помощь? Ну, тут и гадать не

нужно. Будут ли они опасны? Опять гадания без надобности. Ещё как будут. А не подослали ли их старики из «Ринальди и Кальяри»? Поди узнай. Нет, не узнаешь. Предлагают взнос огромный. А дай им «честное» право голоса согласно их взносу, так они больше половины заберут».

Он, доев свой кусок и выпив всё пиво, отдувается, но тянется к жареной перепёлке – не наелся ещё. Даже и не начал насыщаться. И, разрывая тушку, вдруг понимает, что решение по поводу отца и сына Кальяри придётся принимать именно ему, другие ничего о них знать не могут. И тут генерал бросает взгляд на свою «племянницу»; та ест рыбу, да так аккуратно и даже красиво, как будто так она училась есть с самого детства.

- Агнес, - говорит Волков.

- Да, дядюшка, - дева отрывается от своего блюда.

- Вчера на ужине у Цумеринга были все виднейшие люди города, но никого не было от «Ринальди и Кальяри», – замечает барон. – Отчего так?

- Так понятно, отчего, - тут же отвечает «племянница». – Не любят они друг друга.

- Не любят?

- Ну а чего им друг друга любить? - поясняет дева, поглядывая на него и вытирая руки о салфетку, - два главных хряка возле одного корыта при всяком случае уши друг другу отгрызут, какая уж тут любовь? Хотя… Особой прыти в лукавствах друг против друга они уже не проявляют, – и тут Агнес пытается вспомнить. - Побаиваются архиепископа, тот, кажется, их уже к разуму приводил за какую-то распрю, что проявилась для всех схватками на улицах, это давно было, я про то мало слышала. Мне к тому в те времена интереса не было. Уж не знаю, кто в том деле кого обидел, Корнелиус банкиров или они его. Если желаете, дядюшка, я всё выясню.

В принципе, это было ему не очень интересно, барон надеялся, что она расскажет ему о каких-нибудь мелочах и интересных взаимоотношениях этих людей. Но раз так, тогда генерал просит её о другом:

- Узнай-ка мне лучше про Винсенто и Антонио Кальяри. Что за люди, в чём их страсти?

И тут дева смотрит на него, поджав губы:

- Уж и не знаю, как сие сделать; если о самом банке, так я бы много что узнать могла, слухов-то про них да про их богатства по городу ходит предостаточно, а вот так про каждого отдельного банкира из этих семей… - дева качает головой. – Люди они все тихие, как и положено денежным мешкам, скрытные, все семейные, жёны их набожны и детолюбивы, как и сами мужи, все ходят ко причастию.

- Вот и хорошо, что в церковь ходят, - обрадовался Волков. – Через церковников своих и узнай, у тебя дружков среди попов хватает. Попы, они про паству свою много всякого знают.

Дева поглядела на него взглядом долгим и внимательным – видно, подивилась она сообразительности «дядюшки» – и потом согласилась:

- А что же, мысль ваша здравая. Я подумаю, что тут можно будет сделать, - и после она снова принялась за свою рыбу, продолжая о чём-то размышлять.

Он не наелся одним куском окорока и грудкой перепёлки… Но больше есть не стал, а начал вытирать руки. Уж кто-кто, а он-то знал, что объевшись, не заснёт уже до рассвета. А на столе меж тем была масса отличной еды.

- Узнай у своего человека, сколько там за ужин вышло. Оставь ему немного сверху, – он указал на стол. – А это… Вели лакеям собрать всё да забери себе, - произнёс генерал, откидываясь на стуле и попивая пиво.

- Как пожелаете, дядюшка, - ответила Агнес и встала, не доев своей рыбы.

Он поехал домой и всё никак не мог перестать обдумывать разговор с семейкой банкиров. Даже их разглагольствования про скорую войну, и те не сильно его заботили: ну, война и война, что в ней непонятного; а вот будущее дело с банком… Да-а, тут ему было над чем поломать голову.

«Пустить или не пустить этих Кальяри в новое предприятие? Чего от них может быть больше: пользы или опасности? За три-четыре года удвоить первоначальные вложения? Ах, как то заманчиво звучит: удвоить вложения!».

Гюнтер находился внизу, что было в общем-то необычно; как правило, слуга ожидал господина возле покоев.

- Что случилось? – сразу насторожился генерал.

- В общем-то ничего особенного. Я был возле ваших покоев, ждал вас, когда ко мне прибежал местный лакей, дежуривший в коридоре, он сказал, что в каморах у слуг шум, я пошёл взглянуть…

- Мальчишка буянил? – догадался Волков.

- Да, он упал на пол с полатей и закричал… Закричал так, что коридорный услыхал и перепугался. Думал, что кого-то у нас в комнате убивают. Я заглянул к нам, а мальчик бился на полу… Ничего, разбудил его, водой напоил, он посидел немного и снова лёг. Сейчас спит опять.

Барон только вздыхает: мало ему было приближающейся войны, интриг при дворе, войны с Маленами и банковских дел, от которых голова шла кругом. Вот ещё и этот мальчишка. А ещё его раздражало то, что Агнес так и не сказала ему, как быть с новым слугой. Только: лучше не прогонять, а то хуже будет.

И видя, что от этого рассказа господин его помрачнел, слуга снова начинает:

- Я вот что заметил, господин: если его вовремя будить, то до криков дело не доходит, вот как только он начал метаться в постели – всё, надобно его разбудить. Он потом засыпает, и уже до утра почти не кричит, не бьётся…

- Раз так, то и буди, приглядывай за ним, Гюнтер, - обрадовался генерал, - я тебе ещё подниму жалование на пару монет.

- Пара монет… Они никак мне лишними не будут, - рассудительно говорил господину слуга, - да вот только я сам при вас устаю; господин вы, чего уж там говорить, неспокойный, до ночи не ложитесь, в разъездах вечно, в дорогах, сплю потом я, значит, крепко… Вот и подумал… Может, бабу ему найдём какую, чтобы вместе с ним спать ложилась и за ним ночью приглядывала, будила, если что.

- Жену?! – эта идея понравилась генералу сразу.

- Ну, жену или не жену, то тут не главное, у вас при усадьбе всякого бабья незамужнего хватает, вот и приспособили бы одну какую к нему, раз его выгнать нельзя, так пусть при нём баба спит и его будит, – закончил свою мысль слуга.

- Так и сделаем, но пока домой не вернёмся, ты за ним всё-таки приглядывай. Я тебя от дел постараюсь освободить, твоё главное дело теперь ночью,- решил генерал.

Глава 8

Агнес к нему явилась, когда он завтракал с супругой, и та, конечно же, интересовалась, где он был вчера весь вечер. И, кажется, не верила генералу, когда тот отвечал ей, что провёл его в компании влиятельных людей за важным разговором. Появление «племянницы» избавило барона от излишних объяснений. Дева отказалась есть, сказав, что уже позавтракала вчерашним ужином, и согласилась лишь на кофе, но её большие глаза и строгое лицо выражали серьёзный настрой и сразу подсказали ему, что у неё есть для него новости.

- Ну, что ещё? – спросил барон, едва супруга покинула столовую и ушла в свои покои.

- Вести из Эддена, – отвечала «племянница».

«Из Эддена?».

Барон не сразу понял, что речь пойдёт про Винцлау.

- И что пришло?

- Ту бабу, что изрезала графа Сигизмунда, стали по приказу принцессы допрашивать, - и тут Агнес поглядела на «дядюшку» взглядом многозначительным. – Баба та, без усердия палачей, стала всё рассказывать, рассказала, что ночью во снах к ней приходил демон, сам как ребёнок мал, но был он не ребёнок. То бранился, то пугал, то разговаривал с нею лаской, а потом, когда она стала ему отвечать, он начал приходить к ней и днём, начал ей говорить, что свершать, так, что она не могла ослушаться. Нож у неё свой был, а зелье, которым она его намазала, голос ей велел взять у заросшего колодца, что у какой-то там дороги. Тот же голос велел ей ждать на лестнице у покоев графа, велел пропустить кавалеров из свиты графа, что шли впереди того, а когда показался сам юноша, велел ей кинуться на него и бить в шею ножом. Что она и сделала вопреки своей воле. Баба рыдала и молилась всё время, она убеждала следствие, что её обуял сатана.

И что тут ему было сказать? Оставалось лишь спросить:

- Откуда ты это знаешь?

- У Его Высокопреосвященства везде есть верные люди, – отвечала «племянница».

- Попы, что ли? – догадался генерал.

Дева лишь кивнула в ответ: они самые. И постучала по стакану вилкой, а когда явился лакей, просила себе ещё кофе. А генерал тем временем размышлял:

«Церковь… Церковники, конечно, молодцы. Этого у них не отнять. Видно, был какой-нибудь поп на допросе, а как вышел с него, так кинулся строчить письма кому надо».

И тут он говорит:

- Архиепископ, конечно, за всем следит. Любит он это дело.

- То вся жизнь его, политика… - соглашается с ним дева, - главная его забава; ни к золоту, ни к женщинам большой тяги у него никогда не было, а ум великий… Многие знающие говорят, что не будь его болезнь так тягостна, так он сейчас на троне святого Петра восседал бы.

Такой поворот генерала не удивил бы, курфюрст Ланна был и вправду очень хитёр, и вскоре барону представилась возможность убедиться в том.

- Кстати, - снова заговорила «племянница», и тут вдруг перешла на шёпот: – Одна высокородная дама всё время о вас говорит… Ну, после того как случилось нападение на графа Сигизмунда.

«Высокородная дама?».

Волков сразу понял, что это за дама, но ничего не сказал, а Агнес продолжила тем временем:

- Она писала вам письма.

- Письма? И сколько?

- Как докладывали Его Высокопреосвященству, уже два письма, – ответила дева. – Дама та после покушения в смятении и полагает вас единственной защитой, а в мыслях этих ей потакает дружок ваш, Фезенклевер, что сейчас состоит при ней секретарём.

Но вот именно сейчас он не был рад тому, что высокородная дама и старинный добрый приятель вспоминают его… Нет, ему сейчас было не до них.

- Ты мне лучше скажи, что делать с моим слугой. Он ночью орёт, пугает всех вокруг.

И тут Агнес отпила из новой чашки чёрного напитка, потом стала бросать в посудину сливки, кусочки сахара, размешивать всё это ножом и говорить при этом:

- Раньше я всё решить не могла, оставить вам дурака при себе или погнать подальше, или и вовсе избавиться от него… Теперь же вижу ясно: отпускать его вам нельзя, тварь за других ваших людей примется, за баб возьмётся, тех, кто духом послабже. Держите мальчишку подле.

- Держите подле! – Волков раздражён. – Уж я надеялся, что ты поможешь мне с этим.

И тут она бросает на него взгляд, и в глазах её чёрный огонь, она и сама зла сейчас, и это чувствуется в голосе молодой женщины:

- Коли могла б – так помогла бы, не за что вам меня упрекать, дядюшка, я для вас и так стараюсь с утра до ночи, а с дураком вашим… Даже не знаю, что делать. Не могу я врага найти, то история непростая, а коли и найду – что? Кинуться к нему в землю другую за головой его? А там ваши недруги, они меня тут же саму к попам тамошним отвезут. Вам после такого самому непросто отмыться будет, – генерал берёт вилку и начинает ей играть, потом бросает, заглядывает в чашку, где от кофе осталась лишь гуща. Он слушает и понимает свою «племянницу». А та продолжает, будто оправдывается: - У меня сейчас дел много при дворе и при вас, вон видите, как всё закручивается. Подождите немного, приглядывайтесь к нему, разговаривайте с ним, а как поймёте, что враг берёт над мальчишкой верх, так и решите с ним дело тихонько. А пока мальчишка ему сопротивляется – не делайте ничего, пусть недруг на него силы тратит, может, и устанет. Должен устать, так в шар глядеть – никакой силы не набраться, он уже должен кровью харкать, пусть все глаза до бельм в шаре этом проглядит. Терпите, дядюшка, удача почти всегда была за тех, кто терпелив.

- И что же, будем ждать, пока упырь не ослепнет или кровью не изойдёт? – наконец произносит «дядюшка», ставя пустую чашку из-под кофе на стол.

- Подождите, - отвечает ему дева. – Всему своё время. А пока, - она снова переходит на шёпот. – Графиня у нас от любви к вам млеет, новый огонь на старых углях, просит… да нет же, требует, чтобы я вам опять устроила встречу в монастыре. И злится на вас, что вы тут который день, а к ней не были и писем не писали, сама она к вам ехать боится, уж баронесса к всему, что вас касаемо, внимательна.

- М-м… Просит встречи. Вот как? – зная Брунхильду, он не очень-то верил и в прежние её слёзные письма; да, она нуждалась в нём, как мужчине, что защитит её, но вот во вдруг разыгравшуюся в ней страсть... Нет, в таком течении событий барон несколько сомневался. Старые чувства проснуться в сердце этой женщины, конечно, могли… Со страху – да. Ненадолго – тоже, да. Да, какая-то близость меж ними всё же была. Они друг другу не были чужими, а он всё ещё её вожделел, может быть даже, неменьше, чем прежде. Но он давно уже подозревал, что вся её ласка к нему – это всё… на всякий случай, на случай большой опасности, ну и для всяких интриг. Так что он интересуется у Агнес: – Что это с нашей графиней?

- Уж и не знаю, разве её разберёшь, - отвечает Агнес. – Она хитра и скрытна, когда в том есть нужда, неимоверно.

- Как бы там ни было, денег я ей не дам, - вслух рассуждает барон.

- Может, ей они и не нужны, - произносит дева, но тут же спохватывается. – Хотя что это я? Они ей вечно нужны. В общем, ежели желаете с нею встретиться, то я поеду в монастырь готовить встречу.

Что ж, он не собирался упускать возможность лишний раз «повидать» красавицу. И барон соглашается. Агнес пообещала всё устроить и, попрощавшись с баронессой, уехала.

***

А он остался со своими мыслями и опасениями. И первым делом позвал к себе Петера. Юноша пришёл, и вид у него был жалкий. От того пригожего и светлого молодого человека, что Волков принимал на работу, осталась лишь хорошая одежда. Да и та теперь казалось ему великоватой. Петер, кажется, понимал, что доставляет своему господину неприятности или неудовольствие.

И тогда барон не стал говорить с ним строго, а наоборот, расспрашивал о том, что снилось ему прошедшей ночью, с участием. Но не узнал ничего нового, мальчишку, как и прежде, истязал ночью голос, карлик, ужасно воняющий кошками, искал его на этот раз среди кустов шиповника. И один раз почти нашёл. От того он и кричал.

- А после того, как ты ночью просыпаешься и засыпаешь снова, этот карлик возвращается к тебе? Голос просит тебя откликнуться?

- Иной раз, но не всегда, иной раз проснусь, а потом уже до утра сплю спокойно и без страхов, – вспоминал Петер.

«Пока не уехали отсюда, нужно будет просить Агнес, пусть ещё раз с ним побудет, может, придумает что-нибудь».

Но пока он сказал молодому слуге:

- Вернёмся в Эшбахт – отведу тебе отдельное место, и спать ты там будешь не один, найду тебе женщину.

- Женщину? – удивлённо спросил Петер.

- Да, она будет за тобой приглядывать, пока ты спишь, чтобы ты во сне не сильно мучался, и будить прежде, чем ты начнёшь вскакивать и кричать, – объяснил ему барон.

- Господин, - кажется, это предложение не сильно успокоило молодого слугу. – Может, мне поискать отца святого, чтобы он демона от меня погнал, или, может, в монастырь пойти? – юноша был всерьёз удручён. И, возможно, что-то ему бы и помогло из того, что он хотел предпринять. Вот только… Агнес сказала держать его подле себя. Агнес сказала, а уж в этих делах он ей перечить не стал бы. И поэтому генерал говорит своему слуге:

- В Эшбахт вернёмся, обсудим это, а пока молись больше, - он пару мгновений ещё думает и добавляет: – Возьми у Гюнтера талер, то подарок от меня, купи себе что-нибудь.

«Лишь бы он не сбежал, пока домой не приехали».

Он поглядел вслед ушедшему слуге, но тут же звал и его, и Гюнтера обратно, потому что собрался ехать по лавкам. Вообще-то ему было пора немного обновить гардероб, тем более что сегодня ночью он собирался встретиться с Брунхильдой. Думал заодно посетить цирюльника и башмачника, в общем, привести себя в порядок. Правда, с ним поехала и жена, так что заниматься только собой у него не вышло, а вот денег он потратил в три раза больше, чем планировал. В итоге он купил себе не всё, что намеревался, а лишь новый колет из дорогого сукна цвета весенней травы и приличные панталоны к нему. Жена своего тоже не упустила, да и все, кто с ним был, своё получили.

Слуги были рады, Волков в этот раз прикупил им по две пары чулок и по хорошим башмакам, зима всё-таки была уже не за горами. А заодно было приобретено шесть отличных батистовых рубах и шесть пар хороших перчаток. Каждому человеку из выезда, что был при нём в тот день, вышло по рубахе и паре перчаток. О выезде иной раз надо вспоминать, люди при нём были отборные, а значит, достойны чуть большего, чем просто жалования. Им всегда было лестно внимание сеньора, после подарков у них возникала уверенность и понимание, что они не просто наёмники, а люди его круга, пусть даже и не ближнего.

Потом они с женой обедали в известном трактире, что назывался «Охотничий рог». Там они ели разжиревших к осени бекасов, прожаренных с чесноком до рыжей корочки, с несладким вареньем из ягод, пили отстоявшееся на льду белое вино, что подавали к птице. Угощались, по рекомендации распорядителя заведения, сладкими пирогами со смородиной. И в который раз генерал был неприятно удивлён тем, что в заведении, где повара весьма искусны, не подают кофе, и даже мало знают про него.

«А ещё этот город хвастается своей изысканностью и утончённостью!».

После обеда фамилия вернулась в свою гостиницу, где генерал собирался полежать немного перед, как он надеялся, бурной ночкой. Но, как часто бывало, всё пошло не совсем так, как барон планировал.

Глава 9

Проснувшись, он принял ванну, а супруга от этого удивилась очень: чего это господин её сердца решил мыться к ночи? А после ванны он сел читать, дожидаясь ужина, и тут снова в его покоях появилась «племянница».

- Что? – сразу насторожилась баронесса. Она явно была готова рассердиться. – У вас опять какие-то тайны да разговоры?

- Ах, тётушка, не злитесь, умоляю, - сразу стала извиняться Агнес. – Но дядюшку желает видеть Его Высокопреосвященство.

- Супруга моего зовут на ужин? – уточнила баронесса, видимо, питая какую-то свою тайную надежду.

- Нет, тётушка… Скорее на беседу, - пояснила ей дева.

Тут баронесса не упустила возможность выразить свое неудовольствие:

- Отчего же Его Высокопреосвященство приглашает людей к ночи? Что за манера такая? Неужто дня для бесед мало?

- У Его Высокопреосвященства боли в ногах разыгрываются к ночи, - продолжала объяснять ситуацию Агнес. – От того спит он по ночам мало, лишь к утру засыпает, а днём потом отсыпается, вот и зовёт он к себе людей разных, чтобы дела решать, пока не спит.

- Непонятно мне всё это, - Элеонора Августа поджимает губы. Барон уже было позвал слуг, чтобы одеваться в новое, но супруга тут и говорит «племяннице»: – Тогда, может, вы, дорогая моя, и меня архиепископу представите?

- Да что же вы там будете делать? – удивлялся тогда генерал. – Мы едем говорить о делах и политике, ни застолья, ни музыки не будет, а из женщин там одни монахини, вам с ними и словом обмолвиться не придётся. И серьги ваши новые никто там не оценит.

Но прежде чем супруга надумала негодовать и пререкаться с мужем, Агнес и тут успела вставить:

- А что же, тётушка, коли угодно вам в приёмной до полуночи сидеть с другими ожидающими, так поедемте.

- Ехать? – супруга глядит на Волкова, словно не верит.

А тот, в свою очередь, глядит на Агнес: что это ты задумала? Но дева тверда в своей затее:

- Если тётушке не лень будет сидеть в приёмной, так отчего же не поехать, а коли у Его Высокопреосвященства боли будут не сильны и дел будет не много, так я уговорю его её принять.

- Итак, я поеду! – произнесла баронесса, её не пугало ожидание в приёмной, если потом можно будет увидеть самого курфюрста Ланна.

- Тётушка, только одевайтесь скромно, - тут же советует ей Агнес. – Без украшений, и благовониями не злоупотребляйте, отец святой наш запахов сильных не любит. У него от них головные боли.

Баронесса выпорхнула из столовой и стала звать своих горничных, а барон в удивлении уставился на Агнес: и что это всё значит? А та и говорит ему тихо:

- Архиепископ и вправду вас ждёт сегодня.

- Архиепископ? А как же графиня? – не понимает генерал.

- Ничего, дождётся вас в монастыре, уж больно вы ей надобны, никуда не денется, заодно и помолится, – безапелляционно заявляет дева и садится к столу ждать, но барон не уходит одеваться и снова спрашивает её:

- А что же нужно от меня курфюрсту?

- Ума не приложу, не сказал мне ничего, кроме как: приведи ко мне нашего героя. А для чего? Разве же старик скажет? Хитрый он, дядюшка, будьте с ним осторожны.

Ну, об этом она могла бы и не говорить.

Баронесса собралась на удивление быстро, и едва карета была подана, она уже была готова, как положено для визита к Его Высокопреосвященству. Надела то самое платье, в котором была на ужине у герцогини в Вильбурге.

- А чего же мы не ко главному входу подъехали? Зачем нас к чёрному привезли? Чай, не слуги мы, и не торговцы, - недоумевала баронесса, выходя из кареты.

- Этот вход для людей близких, - пояснила ей дева, ожидая супругов у бокового входа во дворец. – Пойдёмте.

- Для близких, - повторила госпожа Эшбахта. И пошла за родственницей.

Как и предупреждала её Агнес, Элеоноре Августе вместе с мужем пришлось присесть на стулья в приёмной среди полудюжины других ожидающих, как мирских, так и церковных. Агнес только шепнула им:

- Ждите, я пойду, попробую поторопить дело.

И ушла. А баронесса стала оглядывать не очень-то богатую приёмную и монахов, сновавших туда-сюда без конца с тазами, горячей водой и полотенцами, и первые пять минут ожидания ей было даже любопытно, но потом она завела то, чего супруг её уже ждал:

- И долго вы вот так тут сидите?

Барон сдержал улыбку и ответил жене абсолютно серьёзно:

- В прошлый раз, так уже под утро позвал.

- М-м, – многозначительно тянет баронесса. И Волкову снова приходится прилагать усилие, чтобы не засмеяться. Уж больно выразительно было это мычание.

Они просидели ещё некоторое время, и ему стало ясно, что жена уже жалеет о своём решении повидать курфюрста. А тут ещё появилась Агнес и сказала им:

- Сейчас у него его тьютор, они пишут письма, закончат не раньше, чем через пару часов, Его Высокопреосвященство просил ждать.

- Ох, - только и произнесла баронесса.

И правильно поняв «тётушку», дева говорит ей:

- Тётушка, может, вам домой поехать, а то до утра тут вам сидеть придётся, и может так статься, что он вас не примет, так как нынче в дурном расположении он.

- И то верно, - соглашается нехотя Элеонора Августа. И добавляет с заметной обидой: – Чего тут куковать до утра-то? Уж лучше поспать.

- Езжайте, - повторяет Агнес. – А дядюшку я на своей карете привезу.

На том и порешили, и «племянница» пошла проводить «тётушку» до кареты. А потом вернулась и сказала Волкову:

- Пойдёмте, дядюшка, Его Высокопреосвященство ждёт вас.

- Так про то, что он письма пишет… - догадался генерал. – Это всё для жены?

- Да, чтобы больше не просилась с вами и не спрашивала, куда вы, вечно губки надувая. Теперь уж и не спросит, думаю, где вы по ночам пропадаете. А то после встречи с архиепископом графиня вас будет ждать в монастыре, вся в блаженном нетерпении, – отвечала ему дева разумная. При том она улыбнулась.

«Ох и хитра она. Не хуже попа местного».

Зал, где находился архиепископ, был велик и торжественен, окна большие, потолки высокие, но сейчас он был уютен, горел камин, а почти весь паркет был застелен коврами, большой стол перед креслом архиепископа завален всякими бумагами, он сам восседал в специальном кресле, которое позволяло вытягивать больные ноги, которые монахи накрывали влажными от каких-то лекарств полотенцами.

- Ты? Ну наконец-то… - курфюрст ещё крепкой дланью поманил Волкова, не давая ему церемонно раскланяться. – Иди сюда, иди… - и едва тот приблизился, протянул ему перстень: целуй. И когда генерал поцеловал перстень, потребовал: - Дайте молодцу стул. Ставьте подле меня, вот тут… Пусть он сядет.

Барону показалось, что пастырь земли Ланн немного взвинчен, капризен сегодня, что ли, и подумал, что лучше старику сейчас не перечить. Волков сел на поставленный рядом с архиепископом красивый стул с богатой спинкой и подлокотниками, а старик положил свою длань на руку барона. Агнес же встала за правым плечом у «дядюшки». И курфюрст вовсе не возражал по поводу её присутствия. И начал:

- Ты же знаешь, я иной раз зову к себе на обед умных чад, что обучаются у нас?

- Я слышал о том, монсеньор, - отвечает барон.

- Ну вот… Были у меня сегодня твои, среди других, - продолжал архиепископ. – И племянник, и сынок. Ну, племянника твоего мне и до того представляли, а сына твоего видел в первый раз… Граф Мален, что тут и говорить, один из лучших среди учеников монастыря, умница, а сын твой, не помню, как его звать… Умные монахи говорят, что не дурак, но графу, конечно, не чета… Нет, не чета.

- Уже хорошо, что не дурак; наследник, так тот совсем глуп, вся надежда, что на военном поприще себя отыщет, - пожаловался на судьбу барон.

- Может, в тебя пойдёт, - предположил архиепископ.

- Я к чтению и книгам был охоч с детства, а этому дурню только бы на коне скакать, - вздыхает генерал. – Иных дел знать не хочет, читает едва, пишет ещё хуже, груб, задирист, только меня и боится.

- Настоящий рыцарь растёт, - усмехается архиепископ. А потом вдруг говорит: – А хочешь, я ему шпоры повяжу?

И тут генерал от изумления застыл, на что он не был из тех людей, которые долго ищут слова, но тут и не знал, что сказать пастырю.

- Чего же ты? – вопрошает его архиепископ. – Ты сына на коня уже посадил?

- Посадил, монсеньор, - только теперь речь вернулась к нему. – Только… - было заметно, что барон сомневается. - Ну уж не знаю… Думаю, что он глуп, мал, недостоин ещё рыцарских шпор.

- А-а… - курфюрст машет рукой на барона. – Если рассуждать, кто шпор достоин, а кто нет, так кроме тебя и ещё двух славных людей я бы шпоры никому и не дал.

- Я просто сомневаюсь, Ваше Высокопреосвященство… Он мал ещё… - начал было Волков, но архиепископ его перебивает.

- Я тебе сказал, а ты уж думай; как решишься, так вези молодца ко мне, я уж встану с кресла ради такого случая, лично, сам, его приведу в достоинство рыцарское. Вырастет – будет чем похвастать.

- Уж и не знаю, как вас благодарить, Ваше Высокопреосвященство, – тут барон говорил без всяких хитростей, такого подарка он не ожидал. Он был по-настоящему тронут.

- Полно, полно, молодец… - старик поморщился от его слов, как от кислого. - Скажи мне лучше, как там сестрица твоя поживает?

- Сестрица? – генерал не сразу мог вернуться от мыслей о рыцарском достоинстве сына к другим вопросам святого отца. – Графиня? Так вроде хорошо, под крылом вашим в безопасности себя полагает. Мы молимся за вас и вашу доброту, монсеньор.

- М-м… - кажется, архиепископ не поверил ему. – А вот мне говорят, что она плачет часто да письма тебе пишет, просит тебя не бросать её, приезжать чаще.

Генерал почувствовал в вопросе хитрого попа какой-то второй смысл.

«Вот дура!».

Но ему нужно было что-то отвечать курфюрсту.

- Она ещё никак не отойдёт от той подлости, когда её и юного графа чуть не убили, вот и ищет излишней защиты, я уверен, что ей тут и без меня ничего не угрожает.

Тут старый поп похлопал барона по руке по-дружески или даже по-отцовски и сказал мягко:

- Глупа она, не чета твоей племяннице, простая баба, а с них, с гусынь, что взять, кроме ласки, так что ты её не брани, не брани… И не бросай, чаще приезжай к нам, а я уж буду звать её к себе говорить, утешать как могу. А она, может, ещё тебе какую службу сослужит… Кто знает? О будущем один Господь ведает.

- И в мыслях не было её бросать, – заверил старика генерал. И это он говорил архиепископу весьма искренне. Барон и вправду не забывал про свою графиню.

А курфюрст при том продолжал:

- Сейчас такие времена идут, что всем честным людям нужно держаться вместе. Ты ведь знаешь, что грядёт?

- Война в Винцлау? – ответил ему Волков. – Тут, в Ланне, все о том только и судачат.

- И не только в Ланне, но и у вас, в Вильбурге, - тут он вздохнул и покачал головой, а потом провёл дланью по редким своим, белым, старческим волосам, - сеньор твой, он же такие надежды на этот союз возлагал, такие планы строил, и вдруг вон как всё пошло. Уж и не знаю, как он сейчас после такого… - вздыхает курфюрст.

Вот только генерал не верит ему:

«А вот это ты врёшь, старик, ещё как знаешь. Дом курфюрста в Вильбурге набит твоими доносчиками, как тряпьё бродяги вшами».

- Да-а… - тянет архиепископ, - думаю, что без войны тут не обойтись. И знаешь что… - Волков так и держит свою руку на подлокотнике стула, и архиепископ снова накрывает её. – Ты же знаешь, твой герцог и я, мы же не любим друг друга… Да, есть за что, есть… Дела то всё старые, преданья старины глубокой… Но в этом случае… Я тебе, молодец, вот что скажу, - старик заглядывает генералу в глаза. – Я полностью на стороне твоего сеньора, – и он повторил: – Полностью. Понимаешь?

- Понимаю, Ваше Высокопреосвященство, – кивнул генерал.

- Ему оплеуху отвесили в этот раз, - продолжает поп, - да такую, что звон пошёл по всем землям империи… Но он-то ещё не стар, он выдержит, а ежели мы стерпим на этот раз, то в следящий раз удар могу получить и я… - тут архиепископ вдруг засмеялся. – А я уже старик, я такого не переживу, я ведь и помереть могу от подобной обиды, – он становится серьёзным, качает головой. – Нет, нет, все мы теперь должны поддержать нашего брата Карла Малена, как бы мы в прошлом с ним ни ругались.

- Истинно так, монсеньор, тем более что и справедливость на стороне моего сеньора.

- Справедливость… - как-то странно произнёс курфюрст Ланна, - не к месту то слово, но ты же у нас Рыцарь Божий… Да… Да… Тебе такие словеса говорить дозволяется. Ну ладно… – он поднял руку и изобразил нетерпеливым жестом: давай сюда, неси. И один из важных монахов, что стоял у стола с другой стороны, всё сразу понял.

Глава 10

- Слушай, молодец… Ты знаешь, - начинает архиепископ, принимая от монаха небольшую карту, - я вот шпоры-то тебе повязал, а потом всё думал и думал… Корил себя, а что же я тебя к себе не привязал никак, почему лен тебе не дал? – он смотрит на Волкова, ожидая ответа.

Но тот только мог гадать:

- Возможно, вы меня тогда ещё не знали, а достоинство рыцарское дали, потому что брат вас о том просил.

- Да ну… - старик морщится: чушь говоришь. – По тебе сразу было видно, что ты человек злой и упрямый, ты либо сделаешь – либо помрёшь… И если бы ты помер, я бы ничего не потерял… Ладно, всё это старческая болтовня… Вот, смотри, - он показывает карту генералу. – Узнаёшь?

Ну а что там можно было не узнать: поворот реки, холмы глинистые, леса на другом берегу, все берега знакомы:

- Эшбахт, - произносит барон.

- Эшбахт! – недовольно фыркает архиепископ. – Это Шмитценген, – он стучит по карте пальцем и настаивает: – Графство Шмитценген! Твой Эшбахт – это всего лишь часть того

места. Я, помнится, один раз или два проезжал через твой Эшбахт, и что там было? Дыра дырой, дичь, пропащее место до тебя было, вот что! А теперь так его все хвалят, так хвалят… что не будь больны ноги, я бы сам поехал на него взглянуть… И всё, говорят, твоими усилиями случилось, – он смотрит на барона, а тот, если честно, не понимает, куда клонит хитрый поп, и архиепископ наконец продолжает так, как будто говорит о какой-то безделице: - Думал твоей сестрице жаловать, чтобы ты мог за землёй графини присматривать, а потом подумал, что ей и без меня всякого надарят, так что… Забирай. Взамен ничего не прошу, просто бери себе Шмитцен, - он снова стучит пальцем по карте. – Вот он, на другом берегу от тебя, на юге граничит с кантоном Брегген, на севере с муниципией Лейденица, вот, видишь? Умный мой монах обвёл твою землю красным; там людей мало, и приносит он всего шесть тысяч в год, пашни так себе, там предгорья, но они неплохим лесом поросли, ты же и там всё устроишь не хуже, чем в своём Эшбахте, я в этом уверен. И теперь ты уже не какой-то там господин Эшбахта, теперь ты господин ещё и Шмитцена, - тут архиепископ говорит с заметным лукавством, - а это уже побольше, чем просто какой-то барон…

Генерал слышит святого отца, но не может оторвать глаз от карты, он внимательно изучает её:

«Да, предгорья и лес в основном».

И слова пастора «побольше, чем просто барон» проходят мимо его ушей. А Его Высокопреосвященство тут и просит:

- Брат Базиль, расскажи новому владельцу, что там есть в Шмитцене хорошего?

- Так вот же, - монах подходит к Волкову и указывает грифелем: - пахотных земель там немного, двадцать две тысячи десятин, но зато вот тут, господин барон, вся вот эта полоса вдоль реки – сплошные луга, тридцать шесть тысяч десятин, хоть тысячу коров заводи, ну а тут леса уже идут до самой границы с горцами, леса хорошие, и в основном добрая хвоя, но есть и дубовая роща. И она немала. Курфюрст не позволял её рубить, хотя ему сулили хорошие деньги за то. В общем, лес рачительному хозяину даст прибыль известную. Проживает там народа мало, девяносто мужиков с лишним, с семьями, все свободные, все на аренде, управляющий недавно назначен, он молод, зовут его Хобенбрук.

И тут снова начинает курфюрст:

- Только давай договоримся, молодец: удел не продавать…

- Конечно же… - сразу отвечает генерал. Он всё ещё находился в состоянии большого удивления. Уж больно неожиданен был этот подарок. И в голове у него была лишь одна мысль:

«И что же хитрый поп попросит взамен? Не может такого быть, чтобы земли раздаривали вот так запросто. Такое, конечно, случается, но лишь с фаворитками».

А Его Высокопреосвященство продолжает:

- Я подписал дарственную на твоё имя, брат Базиль передаст её тебе, а пока всё, ступай, а то у меня и без тебя дел до утра, всё, иди… - он протягивает генералу руку, и тот, встав со стула, целует старику перстень. И ещё раз поклонившись, идёт к выходу.

А Агнес идёт за ним, ещё один монах открывает перед ними дверь и выпускает в прихожую. И только тут генерал приходит в себя, он оборачивается к «племяннице»:

- Ты знала об этом?

- Ни сном ни духом! – тут же откликается та. Кажется, она и сама, мягко говоря, удивлена.

- И что ты думаешь, что это может значить?

- Ума не приложу, - отвечает дева. – Но скажу вам, дядюшка, одно верное слово, что за архиепископом давно приметила: он ничего, ничего просто так не делает. Не верю я в его бескорыстие. И вы не верьте.

А тут как раз из дверей выходит и мудрый брат Базиль, выносит разные бумаги.

- Господин барон, вот дарственная на поместье Шмитцен от Его Высокопреосвященства, вот заверение нашего нотариуса, вот выписка из кадастра имперского землемера о границах ваших новых владений, и это карта, которую вы уже видели… Кажется, всё.

- Святой отец, - Волков принял от монаха все бумаги, но это не прояснило дело. – И что же, мне не нужно приносить курфюрсту ленную клятву?

- Так нет же, - монах находит в его руках одну из бумаг и показывает ему, - вот, видите, это акт дарения надела с правом перехода по наследству, вы не вассал Его Высокопреосвященства, вы, как и раньше, вассал Матери Церкви, просто это отныне ваша земля. Вы обязаны с неё платить налог, но только серебром, а не войной.

Генерал взглянул на свою «племянницу»… Но нет, она тоже ничего не понимала.

«Даже не поблагодарил архиепископа как следует».

Ну, это всё можно было списать на удивление и неожиданность. И вообще, сейчас, стоя в приёмной Его Высокопреосвященства, он не ощущал радости. Барон глядит то на бумаги, то на «племянницу», и всё ещё ничего не может понять, но та наконец берёт его под руку:

- Поедемте, дядюшка, нечего тут стоять, – она понижает голос. – Графиня уже заждалась, наверное.

Конечно же, она права. Барон аккуратно складывает бумаги и прячет их под колет, поближе к сердцу.

Они спускаются к карете и, уже сев в неё, он, глядя на тёмные улицы прекрасного города, немного обдумав произошедшее, спрашивает у «племянницы»:

- Так всё-таки, что это всё было? – нет, он не требовал от неё уверенного ответа, барон скорее желал слышать её мысли на этот счёт. И дева поняла его:

- Хитрость, дядюшка, которая для нас пока скрыта.

«Хитрость, которая от нас скрыта… Пока. Возможно, она и права».

И ему ничего на ум не приходило. Так они в молчаливых раздумьях приехали к монастырю. Вот и улица Праведников, а ещё немного – и крепкая стена женского монастыря святой Бернадетты Хранительницы. Его впустили, как всегда, без лишних вопросов, а Агнес уехала, обещав быть до рассвета. За ним прошли и шесть человек его охраны. Старая монахиня освещала им путь, косилась на мужей зло и шептала молитвы на ходу и бранила их:

- Да не топочите вы своими сапожищами, вертопрахи! Всех перебудите. О Господи, прости меня, грешную!

Стол был накрыт, а Брунхильда уже почти разоблачилась. На ней была лишь одна рубаха из тонкого, полупрозрачного батиста, волосы она распустила. При этом она уже выпила вина, была румяна и необыкновенно соблазнительна:

- Ах, господин мой, - женщина стала его обнимать. Забрала у него берет, перчатки и меч с поясом. – Отчего же вы так долго? Я уже бояться стала, что вы не явитесь.

- Архиепископ задержал, - отвечал Волков, целуя «сестрицу» в щёку и садясь за стол. – Разговор был долгий, вот и задержался, – он не стал рассказывать графине о главном в том разговоре. Почему что не захотел.

А красавица сама – сама! – наклонилась и сняла с него туфли:

- А о чём говорили?

- Да обо всём… О графе нашем, о моём Хайнце, о вас… И герцоге Ребенрее… В общем, всё вспомнили, – продолжает Волков.

- А что о детях?

- Что граф умён, а мой второй сын не очень, – Волков посмеивается, но даже сейчас, когда графиня, стоя перед ним почти нагая, наливала ему вина, а он при том гладил её по заду, генерал всё думал и думал о тех бумагах, что спрятаны у него под колетом. О дарственной архиепископа.

- А обо мне что? - она не стала садиться напротив, а села на лавку с ним рядом, прислонилась к нему, головой касалась его плеча.

И тут он решил её порадовать:

- Архиепископ меж делом сказывал, что вам могут поместье подарить.

Странное дело, эти его слова у графини ни большого интереса, ни отклика удивления не вызвали, будто бы поместья ей дарили едва не каждую неделю, она про то даже и уточнять ничего не стала: да разве то новость? Безделица. А возможно, она знала на тот счёт больше, чем сам барон. А спросила красавица про другое:

- Покушаете что-нибудь, господин мой?

- Поем, - согласился Волков, он и вправду проголодался, видно, огорошил его архиепископ своим подарком.

И Брунхильда стала за ним ухаживать не хуже, чем заботливая и любящая жена, женщина старалась, всякий раз находя случай, чтобы к нему прикоснуться ногой своей изящной или руку на плечо генералу положить. Потом садилась рядом, продолжая всячески выказывать заботу и ласку, пока он не поел. А затем не дала тому посидеть за столом и просто попить вина, а потащила генерала к кровати, приговаривая:

- Пойдёмте уже, господин мой, истомилась я вся.

А когда всё уже подошло к самому главному, Волков думал поставить Брунхильду на край кровати, к себе спиной, чтобы взять её сзади, но тут женщина воспротивилась:

- Нет, хочу видеть вас. Хочу, чтобы вы меня в губы целовали.

И барон был вынужден подчиниться, но даже тогда, когда она заглядывала к нему в глаза и своими длинными пальцами ерошила ему волосы, барон… не мог позабыть про дарственную архиепископа. Вот как удивил его подарок старого попа. А потом, когда всё закончилось, женщина вдруг не поспешила, по обычаю своему, к тазу и кувшину, чтобы омыть себя, а так и осталась лежать на перинах. И уже этим удивила генерала. А ещё больше удивила она его, когда неожиданно сказала ему:

- А что же вы, господин мой, скажете на то, чтобы мне вернуться в Мален?

И тут барон, уже собравшийся было встать да пойти к столу и выпить ещё белого лёгкого вина от жажды, замер в недоумении:

«Чего же тебе, дуре, на месте-то не сидится?».

Но спросил он у неё, конечно, иначе:

- А что тебе Мален?

- Не знаю, - отвечает она, глядя в потолок. Была графиня при том необыкновенно хороша, волосы цвета созревшей пшеницы разметались по кровати, плоть налитая, без изъяна, хоть и не девичья уже. – Не мило мне здесь.

- Так не мило, что желаешь Ланн на Мален променять? – он, честное слово, не понимал её. Богача Цумеринга променять на Фейлинга. Да разве то разумно? Цумеринг хоть и плешив немного, так у него золота столько, что даже ей не потратить. Разве же сможет Хуго Чёрный с ним потягаться? Да, видно, у графини были свои мысли на этот счёт.

- Там дочери мои, может, удастся с ними свидеться?

- Если тебе позволят, - напоминает ей генерал. А сам думает, что для этого ей непременно придётся видеться с герцогом Карлом.

- Там вы, наконец, - говорит красавица, а её глаза неотрывно глядят на генерала. – Если приеду в Мален… клянусь, буду являться по первому вашему зову.

«Врёт, плутовка, что-то задумала!».

Но что именно, барон понять не может. Он тоже глядит на неё. А женщина берёт его руку и тянет к себе, кладёт её себе вниз живота, к лону, и зажимает её своими божественными бедрами, а потом и просит негромко:

- Господин мой, поцелуйте меня.

И он исполняет её просьбу, позабыв о своих раздумьях и опасениях, жарко целует красавицу в губы.

Под утро, едва успел сомкнуть глаза, как уже явилась за ним неутомимая Агнес. Была дева в новом строгом платье, лицо свежее, как будто спала она крепко всю ночь. Повезла она «дядюшку» к нему в гостиницу, а он у неё и спрашивает:

- А что с графиней нашей?

- А что с нею? – не понимает дева.

- Просится в Мален, дескать, поближе ко мне, к дочерям…

- А вам того не нужно? – спрашивает «племянница».

- Конечно не нужно, - уверенно говорит барон. – Два принца, отец и сын, они же из-за неё друг в друга вцепятся, они оба о том только и мечтают, чтобы ей под подол заглядывать, боюсь даже думать, что случиться может, а герцогиня в том не только её, ещё и меня будет винить.

- Кого же ещё? – соглашается Агнес и твёрдо заявляет: - Тогда не давайте ей согласия… Пусть тут сидит, тем более это у неё простая бабья тоска.

- По мне? – с некоторым сомнением уточняет Волков.

- Если бы, - развевает его сомнения дева. – У неё просто сердце не лежит к Корнелиусу нашему. Вот она и грустит. Думала себе кого ещё завести, да Корнелиус весь дом её шпионами насытил, ей без меня, и шагу не ступить, а я ей в тайных её похотях настрого отказала.

- Вот как? – теперь генерал удивлён. А дева то удивление ещё больше усиливает:

- Так ничего, дядюшка, пусть порыдает, зато вас сильнее ждать будет, – он тут согласен с «племянницей». Кивает ей. А та говорит дальше, как будто размышляет вслух: - Бывает так, дядюшка, вроде и сердце у нашей графини большое, кому там только места не находилось, даже Сычу, упырю сиволапому, а вот богатею из Ланна, что золотом её осыпает, никак уголка найти не получается, – услыхав это, генерал продолжает молчать. А «племянница» и заканчивает этот разговор: - Да не думайте вы о ней, голову не ломайте, у вас и без этой гусыни причины беспокоиться имеются, а я за дурою пригляжу. Капли ей для спокойствия сварю, устрою ей встречу с сыном, обед у архиепископа, может, успокоится хоть немного. Выкинет блажь свою из головы красивой.

Глава 11

Нет, баронессу было не провести, он, когда приехал, мыться не стал, устал, поэтому лёг, только умывшись, и жена сразу почувствовала чуждый запах.

- Отчего это от вас так пахнет? – она, обнюхав супруга, стала его тормошить. – Благоухаете вы цветами.

- Откуда мне знать, что вам там мерещится, - бурчит генерал, но понимает, что принёс с собой запах Брунхильды, - я до утра был во дворце.

«Вот вам и «глаза ваши хочу видеть»! Лучше бы сзади её имел!».

- Да как же мне мерещится?! - баронесса снова склоняется к нему и нюхает его шею. – Ну вот же, цветы! От вас ими разит!

- Не знаю, чем там от меня разит, - лениво отвечает генерал. – Может, то Агнес запах.

- Да не было на ней такого запаха! – уверена Элеонора Августа. – Она и мне запретила душиться, дескать, у курфюрста…

- Да помню я, - перебивает жену Волков. – Но я был всю ночь у архиепископа, дело было важное очень… Не верите, так вон на комоде бумаги лежат, почитайте.

Всё-таки любопытство у госпожи Эшбахта преобладало над подозрительностью и ревностью. Она тут же встаёт и идёт к комоду. Берёт с него дарственную на поместье, что лежит сверху остальных бумаг, и начинает читать. И лицо её вытягивается от удивления, женщина уже позабыла про запахи, что исходят от мужа, и кидается к нему:

- Значит, архиепископ даровал вам поместье?

- Для того и звал. И сидел я при нём едва не до колоколов к утрене. А вы мне всё придумываете запахи.

На то баронесса ничего ему не сказала. Она отложила дарственную.

- Так где будет наше новое поместье?

- Как раз напротив нашего замка. Архиепископ знал, что даровать, – отвечает ей супруг. И добавляет: – Теперь вы не только госпожа Эшбахта. Теперь вы госпожа Шмитцена и Эшбахта, баронесса фон Рабенбург.

Кажется, это производит на женщину впечатление. И тут же она задаёт барону вопрос, который самому ему должен был прийти в голову в первую очередь:

- А что же скажет на то ваш сеньор?

- Что скажет? – тут барон окончательно проснулся. Вообще-то вопрос был не так уж и прост, ежели вспомнить отношения двух курфюрстов. Волков сел на кровати и ничего не придумал для ответа супруге, поэтому звал слуг:

- Гюнтер, Петер! – и когда те появились, повелел: – Мыться, одеваться, завтракать.

Супруга же была возбуждена этой новостью, и пока барон приводил себя в порядок после бессонной ночи и короткого сна, она истязала его вопросами:

- А сколько даёт то поместье?

- Пять тысяч, – отвечает он, умывая лицо.

- Немного же, а мужики что?

- Девяносто хозяйств, все свободные, все на аренде.

И это было госпоже не по душе, она поджимает губы:

- А земля, там хоть есть что пахать?

- Мало, пастбищ больше, - потом они прошли в столовую, где уже пахло кофе, тут были жаренные на сале яйца с рубленой кровяной колбасой, пироги с ливером и сладкие со смородиной, пиво, совсем немножко, сливки свежайшие и небольшая плошка с колотым сахаром. Баронесса принялась за яичницу, но разговор про новое поместье не прекращала:

- Получается, что поместье-то худое нам даровали, мол, на тебе, Боже, что нам негоже. То есть имя у него лишь одно.

- Поместье сие – камень неогранённый, с Эшбахтом оно, конечно, не поравняется, но коли к нему руки приложить, толк от него большой будет, - отвечал генерал. Ему были даже немного обидны слова супруги. Или её близорукость. – Эшбахт наш тоже был дырой, заросшей барбарисом и шиповником.

Тогда она спорить с ним не стала, а сначала велела налить себе пива, потом отпила немного и вдруг говорит:

- Так, может, нам в таком случае Хайнца из монастыря забрать? – тут генерал перестал есть и вопрошающе смотрит на супругу: и что же вас привело к такой замечательной мысли, госпожа моя?

И тогда жена поясняет:

- Карлу Георгу отойдёт Эшбахт и титул Рабенбург, а Генрих Альберт пусть наследует Шмитцен. То, мне кажется, будет честным.

- У вас и третий сын, вообще-то, имеется, - напомнил баронессе супруг.

- Ну, и ему что-нибудь придумаем, - отвечает Элеонора Августа.

- А четвёртый у вас родится? – предполагает её муж. На это женщина пожимает плечами:

– Вот родится, и думать будем.

- Нет, не будем, - отрезает генерал. – Удел… землю... делить не позволю. Посему Карлу Георгу отойдёт и Шмитцен, и Эшбахт, и титул с замком, и пойдёт барон по стезе военной, а Хайнц останется в монастыре. Третий же ваш сын, баронесса, четвёртый и пятый, и сколько бы их ни было, все, в зависимости от ума, пойдут либо в ремесло воинское, либо в учение к монахам. На том и покончим.

Баронесса насупилась, но ничего мужу не сказала, кроме сожалений материнских:

- Боюсь, трудно Хайнцу в монастыре одному.

- Он там не один, а с кузеном и со слугой, а к Рождеству их по домам распускают от сочельника до крещения. Так что скоро вы его снова увидите. И в монастыре ему всяко будет легче, чем Карлу Георгу со мной, ведь отныне барон будет при мне всегда.

И тут накатила на баронессу тоска материнская, стало ей жалко всех своих сыновей, а старшего особенно, и она всхлипнула:

- И что же, и на войну он с вами поедет?

- Первым делом; на коня сел, мечом опоясался, всё – считай, уже пора учиться, - заверил её супруг. – Война – ремесло тяжкое, лучше привыкать к нему сызмальства, – и прежде чем жена начала плакать, он говорит ей, чтобы успокоить: - Архиепископ предложил шпоры ему повязать.

- Ах! – всплеснула руками мать. – Господи, уже? – и не было понятно Волкову, это от радости или от страха. – Он сам то предложил?

- Сам, - отвечает генерал, он как раз покончил с яйцами и колбасой, отодвинул кружку с пивом и просил себе кофе.

- И что же вы? – это было произнесено ею с неподдельным интересом. Кажется, сей вопрос волновал баронессу даже больше, чем новость про подаренный надел.

- Я благодарил Его Высокопреосвященство и сказал, что рано ему ещё – не заслужил.

- Что?! – буквально вскричала тут супруга. – Да как же так? Отчего же вы не согласились сразу?!

- Говорю же, не заслужил ещё, пусть побудет на войне какой, да посмотрит, как там всё, тогда и поедем к архиепископу, он сказал, что его слово в силе.

- Да что же вы за отец такой бессердечный, или вы своим сыновьям счастья не желаете? – баронесса во гневе отпихнула от себя тарелку.

- Ах, бросьте вы, мне шпоры не за фамилию дали, мне моё рыцарство тяжко далось, а ему только за то, что он сын мой, уже предлагают. А вам… вам то всё нужно, чтобы перед знакомыми дамами да родственничками бахвалиться тем, что шпоры вашему первенцу курфюрст Ланна повязал. Вот и радеете вы для хвастовства праздного…

- А может, и для хвастовства, - зло повторила за супругом Элеонора Августа, - что же мне, не гордиться тем, что мой сын, не имея восьми лет отроду, рыцарским достоинством награждён, словно граф какой? Разве не я его родила?

Волков раздосадованно смотрит на неё, но ничего на то возразить не может. Ведь и вправду, взбалмошная и глупая его супруга одного за другим, как на заказ, рожала ему сильных, бойких и здоровых мальчиков. И, говоря по чести, имела право кичиться их успехами. И тогда он под победными взглядами жены, выражавшими её полный триумф над супругом, выпив кофе, наконец решил, что ей сказать:

- Вместо того чтобы гневить Господа пререканиями с мужем, вы бы, баронесса, лучше написали письмо архиепископу.

- Письмо? – такая мысль вроде и понравилась Элеоноре Августе, но и немного напугала её одновременно. И она решила узнать: – О чём же мне ему писать?

- Как мужу перечить, так у вас слова находятся тут же, - посмеивается Волков.

- Так скажите, что написать ему, – баронессе придумка мужа явно пришлась по душе. Писать курфюрсту – это тешило её самолюбие.

- Пишите, что благодарите его за подарок и что ещё больше благодарите его за обещание даровать вашему первенцу рыцарское достоинство; напишите, что будете ежедневно молиться Господу за его здравие, ну и… придумайте ещё что-нибудь…

Женщине так понравилась затея, что она уже стала звать служанку, чтобы та несла ей в столовую писчие принадлежности. Но едва горничная скрылась, как появился Биккель и сказал:

- Господин генерал, к вам господин, к которому мы на ужин недавно ездили. Я его не пропустил к вам на этаж. Цумеринг это, он спрашивает, соблаговолите ли принять его?

- Ты хоть вежливо его остановил? – насторожился Волков.

- Вежливо, господин генерал, вежливее даже и не умею, - заверил его грубоватый обычно оруженосец.

- Проси его.

Недлинный парчовый плащ, так богато подбитый соболями, что больше напоминал шубу, нескромно расшитый золотом алый колет, черная шляпа с небольшими полями, также пошитая золотом. В столовую вошёл принц, да и только.

«Скромность – украшение не для него».

Супруги Рабенбург и личный казначей Его Высокопреосвященства раскланялись. Корнелиус Цумеринг не отдал шляпу Гюнтеру, а лишь снял её, не стал он снимать и свой роскошный плащ. И он пояснил своё поведение:

- Я всего на мгновение. Нанёс визит вежливости, пусть и нежданный. Заехал вас поздравить, господин барон, и вас, госпожа баронесса…

«И чего Брунхильда от него нос воротит? Прекрасный муж, не стар, не болен, зубы все при нём, богат баснословно, а то, что плешив, так что это за вздор?! Разве плеши – то лишаи или чесотка? Разве могут они повредить достойному мужу?».

- С чем же это? - вперёд мужа заговорила Элеонора Августа.

- Ну как же, - Цумеринг развёл руками и изобразил удивление, - в городе все только о том и говорят, что Его Высокопреосвященство одарил вас новым поместьем.

- Так это же случилось под утро! – удивился генерал. – Неужели весь город уже говорит о том?

- Всё, что случается во дворце курфюрста, для города первейшие новости, – пояснил казначей архиепископа. – Хоть ночью они случились, хоть на рассвете, нынче о том уже судачат даже в самых похабных кабаках.

- Вот как… Хорошо, что вы заехали, Корнелиус, и напомнили нам о том, - произнёс Волков, а потом и вспомнил: – Баронесса как раз о вас говорила, любезный друг, она хотела писать письмо, но потом решила, что надобно сердечно поблагодарить вас лично.

Он это говорил, а супруга его стала смотреть на него с недоумением: чего? Писать? Что писать?

- Ах, ну что вы, какая безделица, в самом деле; я надеюсь, те серёжки пришлись вам по вкусу, баронесса? – Корнелиус улыбнулся и поклонился госпоже Шмитцена и Эшбахта.

- Ах, да-да… Господи, как же хороши эти серёжки, мне супруг ничего такого никогда не дарил! – радостно выпалила она. – Сердечно, сердечно вам благодарна, любезный Корнелиус.

«Ну, моя гусыня иной раз найдёт, что сказать умного, особенно какому-нибудь расстриге, как Корнелиус».

- Это так приятно, что такая вещица пришлась по душе такой важной особе; надеюсь, серёжки послужат ступенькой к нашему сближению, добрые господа.

«Сближению? – вот тут генерал удивился и насторожился. – Какому ещё сближению?».

Он внимательно глядит на гостя, а потом произносит:

- Господин Цумеринг… Не желаете ли вина? Или, может, кофе?

- Кофе? – тут казначей Его Высокопреосвященства смеётся. – Вы научились кофепитию, видно, у сарацинов, в каких-то войнах; я, боюсь, не так силён духом, и не до вина мне сейчас, я… - тут он снова кланяется Элеоноре Августе, - госпожа баронесса, хотел бы похитить вашего

супруга для разговора, истинно на пару минут, никак не больше, приношу вам свои глубочайшие извинения за то.

- Ах, да что же, похищайте, вы же, мужчины, всё про тайны говорить любите, – госпожа Эшбахта и Шмитцена согласилась покинуть столовую, да и как можно было отказать такому учтивому человеку, который дарит настолько замечательные подарки.

А едва она ушла, как Цумеринг и заговорил:

- Хочу вернуться к тому делу, с чего мы начинали.

«С чего начинали?». Волков думал, что казначей опять заведёт речь про векселя дома Ребенрее и военные закупки, но беседа пошла о других вещах:

- Я и мои друзья обдумали всё как следует и хотим увеличить свою долю в учреждаемый банк, мы даже решили, что увеличим вклад… до сорока тысяч.

«Уже сорок? Либо он узнал что-то… либо у него и его друзей семь пятниц на неделе! Можно подумать, что он несерьёзный человек… Или очень хитрый».

- До сорока тысяч? – переспросил генерал с некоторым холодком.

И казначей Его Высокопреосвященства заметил этот холод:

- Что-то не так, друг мой?

- Ах, дорогой мой Корнелиус, с тех пор как вы покинули собрание, кое-что изменилось.

- Расскажите, что именно, – заинтересовался Цумеринг. Он, кажется, и не думал унывать.

- В дело пришли новые люди, и теперь та часть, которую вы сможете получить за предлагаемые деньги, уже будет не так велика, как при прошлом разговоре.

- Собрание учредителей уже состоялось? – теперь казначей, было видно, заволновался.

- Я полагаю, что будет оно уже вскоре, – отвечал барон с неопределённостью.

- Я надеюсь, что вы, барон, меня пригласите на него? – это вопрос был скорее праздный, чем по делу. Вообще-то Цумеринг был уверен, что его пригласят, ведь он представлял казначейство всего Ланна.

- Разумеется, друг мой, разумеется, - согласился Волков. – Как только мы решим, кто будет в учредителях банка, так я вам непременно дам знать.

- А решать, конечно же, будете… вы! – Цумеринг улыбался.

На что генерал лишь развёл руками: а разве могло быть по-другому?

- Я буду ждать приглашения, господин барон, - произнёс казначей Его Высокопреосвященства, прежде чем уйти.

«Ты будешь ждать приглашения на собрание учредителей, а тебя там будут ждать сюрпризы. Интересно, представитель фамилии Кальяри не заартачится, узнав, что Корнелиус будет среди учредителей?».

Хитрый казначей не мог уйти, прежде не засвидетельствовав своё почтение баронессе. А уже после его ухода сам барон и его уважаемая супруга сели писать благодарственные письма архиепископу. Волков писал письмо, но мысли его были далеко от написанного, так как генерал погрузился в размышления о всём происходящем, ибо оно казалось ему странным. Тут и необыкновенная, почти нарочитая и неожиданно проснувшаяся любовь Брунхильды, и подарки с внезапными визитами казначея, и не менее нежданные его денежные решения, и, конечно же, необыкновенная ласка самого архиепископа… У генерала начинало складываться ощущение, что все вокруг, включая его «влюблённую сестрицу», ведают что-то этакое, о чём сам барон даже и не догадывается.

И осознание того, что вокруг него что-то происходит, чего он не понимает, было для него неприятным. Иероним Фолькоф, господин Эшбахта и Шмитцена, барон фон Рабенбург, не привык быть олухом и невеждой.

Глава 12

Теперь у него было две причины покинуть прекрасный город. Во-первых, уж больно дорого обходился ему постой в роскошной гостинице, что, впрочем, было неудивительно, если учесть всех слуг, весь его выезд, две кареты и телеги с их лошадьми. Барон вздыхал, ожидая появление управляющего гостиницы со счетами за кров и стол. Второй же причиной было желание как можно скорее ознакомиться с новым своим владением. И с – «Как там его называл монах, кажется Хобенбрук… Да, точно, Хобенбрук!» – молодым управляющим. Волков, закончив с письмами и отправив их во дворец с нарочным, снова взялся за полученные от монахов документы. И спросил у жены:

- А не пора ли нам собираться в дорогу? Соскучились по дому-то?

- По какому ещё дому?! – воскликнула та. – По той мужицкой избе, где я вам троих сыновей родила?

- По мужицкой? – обиделся за свой дом генерал. – В два этажа, и где столовая в два раза больше, чем здесь?

- Давайте тут ещё поживём хоть недельку, - просила его супруга.

А он сразу умножил на семь ту плату, о которой уговаривался с управляющим по приезду, и покачал головой:

- Пора, пора собираться, дел много.

Баронесса, как у неё водится, начала причитать и жаловаться, но супруг был непреклонен:

- Велите служанкам собирать вас, завтра после обеда уедем.

- Может быть, заедем хоть ещё раз в Ноймерштад? (Пригород Ланна, ещё недавно сожжённый еретиками при осаде города, но уже возродившийся, в котором находится монастырь святого Амвросия), – вопрошает баронесса с уже проявившимися слезами в голосе. - Увидим нашего мальчика?

- Аббат же говорил, что не пустит больше нас, что появление родителей лишь будет мешать Хайнцу. Расстраивать его. Вы про то забыли, что ли? – напомнил ей барон, а сам в очередной раз подивился той быстроте, с которой слёзы появляются у его супруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.